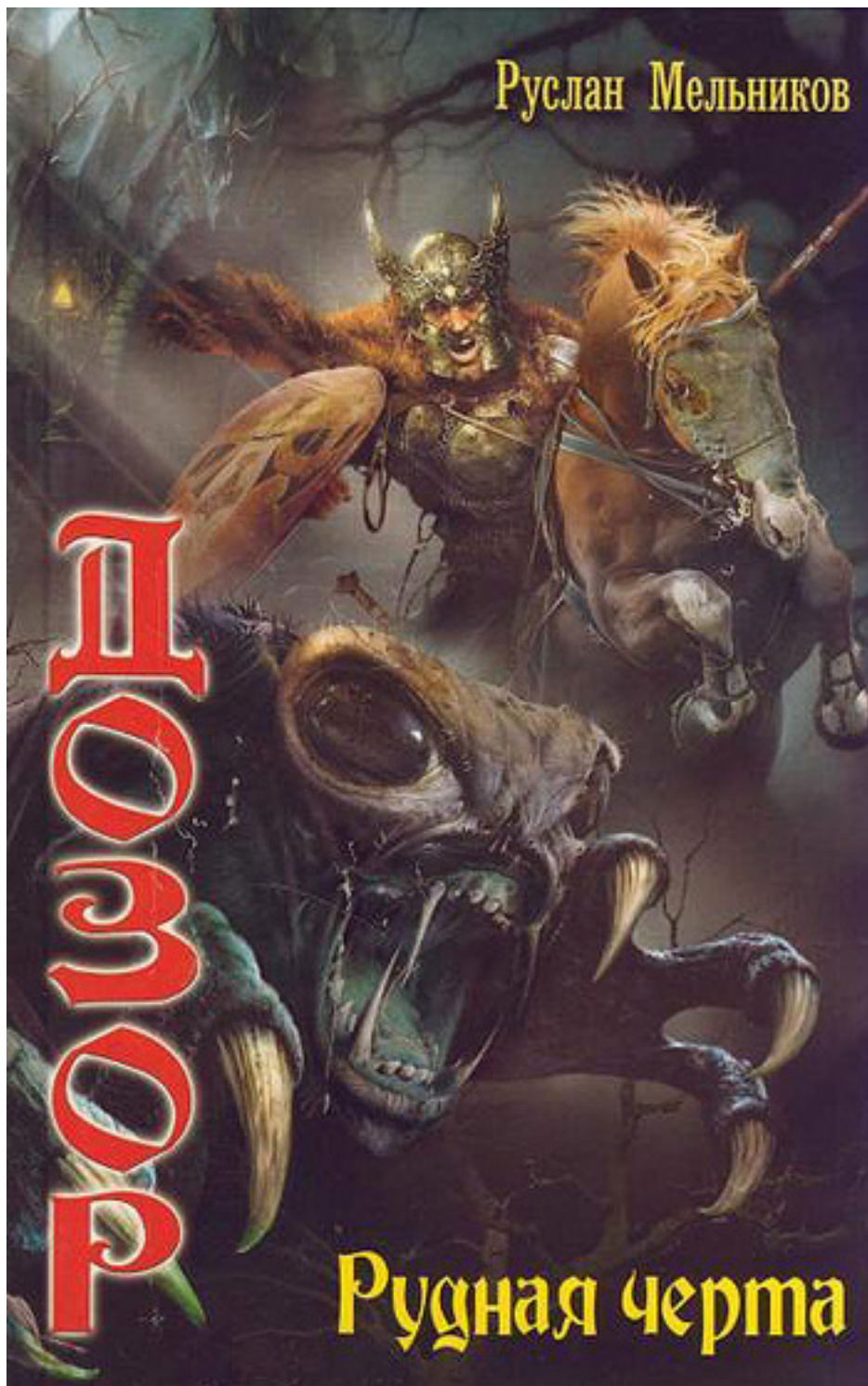

Руслан Мельников

ДОЗОР

Рудная черта

Дозор

Руслан Мельников

Рудная черта

«Автор»

Мельников Р. В.

Рудная черта / Р. В. Мельников — «Автор», — (Дозор)

Черный Князь все же переступил порушенную рудную черту. И за одним Шоломонаром темного мира в людское обиталище рвется другой. А за вторым непременно придет третий. Разноплеменный гарнизон Серебряных Врат не в силах более сдерживать нечисть. И даже вынужденный союз людей с нелюдями против общего врага – всего лишь отсрочка неизбежного. Однако отчаиваться рано. Воевода русской дружины Всеволод узнает, что в его власти закрыть границу миров и остановить Набег. Но для этого нужно не отсиживаться за крепостными стенами, а атаковать. Книга публикуется в новой редакции.

© Мельников Р. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Руслан Мельников

Рудная черта

Глава 1

И до сих пор, в общем-то, было не сладко. Но это... Нахлынувшее ощущение чужой и неправильной смерти оказалось таким сильным и явственным! Как будто тебя самого пожирают и, пожирая, перерождают заново. Перемалывают клыками кости и чем-то еще – душу. Грызут плоть, пьют кровь и сливают самую твою суть с сутью иной.

Страшно, отвратительно, чудовищно, мерзко.

Бо-о-ольно!

Всеволод не выдержал. Вырвал руку из руки Эржебетт. Отшатнулся от саркофага лидерки.

Колдовская связь прервалась. Прекратилось течение истории-рассказа без слов. Из чужих воспоминаний, мыслей и чувств Всеволод возвращался к себе, в себя, в окружающую его реальность.

Он вновь находился в Закатной Стороже, в подземелье тевтонского замка, поставленного на угорской земле. Только теперь Всеволод знал об Эржебетт и рудной черте, проведенной между мирами больше, чем прежде. Чем минуту назад? Час? Ночь? День?

Как долго длился второй контакт с лидеркой?

Явно дольше первого. Хотя, если поразмыслить, не столь уж и явно. Едва ли время имеет большое значение, там, где напрямую соприкасаются разум с разумом и память с памятью. ТАКОЕ ведь может происходить сразу, молниеносно, в одно мгновение.

Может...

Вот только слабость... Жуткая, жутчайшая слабость, от которой подламываются колени. Будто сутки рубился в лютой сече без передыху. Или нет, не так, не то. Будто перегорело... выгорело что-то изнутри. Всеволод оперся о каменный гроб.

Тряхнул головой.

Огляделся.

Ничего не изменилось. Потрескивая, горит факел, косо воткнутый в шипастую решетку. Причудливые тени мечутся по стенам и сводам одиночного склепа, ставшего узилищем для Эржебетт. Сама она – обнаженная, сдавленная зубастыми осиновыми тисками-колодками – лежит, не шевелясь, в тесной клетке из серебра и стали. Клетка – вставлена в нишу каменного гроба...

Из приоткрытой двери со сбитым наружным засовом и уцелевшим внутренним – черным оком подглядывает тьма. Там, за дверью – тоже склеп. Общий. Там в саркофагах покоятся десятки орденских рыцарей, досуха испитых нечистью.

И – тишина.

Похоже, времени, в самом деле, прошло не очень много. Дружинники, ожидавшие Всеволода где-то у входа в замковую усыпальницу, не зовут своего воеводу. Однорукий кастелян брат Томас тоже не торопит и не зовет на стены...

Всеволод шумно вдохнул сухой воздух подземелья. Выдохнул. Вытер пот со лба.

Пот был холодным. Сердце бешено колотилось в груди. Есть от чего. Эржебетт не просто поведала ему свою историю, она заставила его самого пережить случившееся в ее шкуре. И понять, прочувствовать шкурой своей. После такого человека уже не заподозришь во лжи. Ни человека, ни нечеловека.

И как ее судить после такого? Как казнить? А судить и казнить придется. Темная тварь – есть темная тварь. И то, что ею сотворено...

– Теперь ты знаешь, воин-чужак, через что я прошла и почему, что испытала и как, – Эржебетт говорила спокойно, с усталой улыбкой на губах. – Тебе известно, что проход между мирами открыт моей матерью и мною удержан открытым. И что моя смерть уже ничего не изменит и не остановит Набег. Но ты, конечно, вправе меня убить. Или предоставить это Бернгарду.

Она, похоже, не сожалела о случившемся. Но своим смиренным видом и речами Эржебетт показывала, что открылась перед ним, и, открывшись, полностью отдается на его милость.

Всеволод поморщился. Эта ее откровенность, покорность, готовность, смирение – были сейчас хуже всего. Если бы Эржебетт юлила, если бы хитрила, выкручивалась... Если бы она бесновалась, грозила или лила слезы раскаяния, в искренности которых Всеволод не преминул бы усомниться...

Если бы...

А так... У-у-у, треклятая ведьмина дочь! Знает ведь, как внести смятение в душу и заставить дрогнуть руку, привыкшую разить нечисть без жалости и промедления.

Но ведь сейчас перед ним – именно нечисть. Самая, что ни на есть, настоящая. Темная тварь с лицом невинного человека. Или человек, в котором таится тварь. Какая разница? Никакой! По сути, в гробнице-узилище заперт оборотень и упырь... Пьющая-Любящая. Черная Княгиня. Шоломонарка. И ко всему впридачу – ведьмина дочь, несущая в своих жилах древнюю силу Вершителей.

Дочь... Ведьмина... Пра – пра-пра– и еще великое множество раз пра– внука Изначальных, кровь которых некогда спасла этот мир. И чья кровь губит его теперь.

А впрочем, кровь ли губит человеческое обиталище? Сама по себе кровь, сколь бы сильной она не была – это всего лишь кровь. Кровь не принимает решения. Все зависит от людей, пускающих эту кровь. И от людей, вынуждающих ее пускать.

С одной стороны ведьму-мать и недоведьму-дочь загнали в угол и заставили поступить так, как они поступили. А с другой... Объявленной Бернгардом охоты тоже не могло не быть. Вполне понятно желание тевтонского магистра раз и навсегда обезопасить порубежье миров, искоренить, выкорчевать, выжечь вокруг Сторожи колдовское-ведовское племя, таящее в себе потенциальную угрозу для рудной черты.

Это жестокий, но, в общем-то, благой, разумный и спасительный для человеческого обиталища замысел. Под корень истребить одних, чтобы спасти всех. И вот ведь как оно вышло. Вот как обернулось... Именно попытка избавиться от тех, кто способен, точнее, кто *мог бы* способен открыть запретный Проход и привела в итоге к его открытию. Беспощадная логика непростой эрдейской жизни. И кто виновен в случившемся? Кто повинен больше? Кто меньше? А кто неповинен вовсе? И есть ли такие вообще?

Бернгард, хранящий порубежье? Кто посмеет его обвинять? Магистр лишь делал, что положено делать старцу-воеводе любой Сторожи, приложив всю свою волю и старание... Правильно ли делал? Наверное, правильно. Так бы поступал на его месте и старец Олекса. Так бы поступил и сам Всеволод. Поступил бы? Так бы? Да, пожалуй. А как еще поступать, если на одной чаше весов – судьба обиталища, а на другой... А что на другой – не важно. Если на одной чаше целый мир – все остальное уже неважно. Первая чаша перевешивает изначально. Все перевешивает, любое перевешивает. Все и любое в этом обиталище.

Ведьма Величка? Мать Эржебетт? Виновна ли она? Виновна, вне всякого сомнения, ведь именно ее слова и именно ее кровь разомкнули рудную границу. Но... (Ох, уж это выпирающее, к месту и ни к месту треклятое «но»!) Но Величка – мать! Мать Эржебетт...

Представляла ли отчаянная и отчаявшаяся ведьма, насколько губителен будет разрыв заветной черты для людского обиталища? Конечно, она прекрасно знала об этом, раз была

посвящена в древнюю тайну. Но что значит для любящей матери благополучие всего остального мира, когда речь идет о спасении родного дитя, обреченного на мучительную смерть в огне. О, здесь чаша весов уже иная. Здесь вообще нужны другие весы.

И еще... Ведала ли Величка, что ждет Эржебетт, брошенную в Проклятый Проход, там, за чертой? Вероятно, догадывалась. Скорее всего. А еще скорее – она знала наверняка, что встречи с темными тварями дочери не избежать. Знала, что первыми с темной стороны придут оборотни, учуявшие своим звериным чутьем разорванную границу миров, горячую кровь и живую плоть. Знала, что волкодлак пожрет дочь, избежавшую тевтонского костра. И – опять-таки – знала, что дочь после того не умрет... полностью – нет, что продолжит жить. Иначе, в новом качестве. В нем, в волкодлаке. Как, впрочем, и он – в ней.

«Мы – друг в друге».

«Она – во мне, я – в ней».

Это лучше костра. Или хуже? Или все же лучше? Величка сочла, что лучше.

Нет, ведьма-мать не просто спасала ребенка от одной смерти, чтобы предать другой. Мать дарила дочери другую жизнь вместо небытия. Не самую легкую, но все же жизнь, которая возможна и по ту, и по эту сторону рудной черты. Величка одаривала Эржебетт по своему усмотрению и, как это часто водится, не спрашивала мнения любимого чада о навязанном даре. На берегу Мертвого Озера мать в последний раз решила за дочь. Все решила.

Единственное, чего не могла предусмотреть ведьма, что к разверзшейся брешии выйдет не простой оборотень. Или все же могла? Тоже? Откуда знать. Теперь-то... им-то...

Впрочем, все это уже не имеет значения. Ни малейшего.

Былые события свершились и навеки остались в прошлом. А сегодняшняя реальность такова...

Бернгард сейчас где-то там, наверху, на стенах обреченной крепости, готовится к отражению очередного штурма. Ведьма-мать Величка давно мертва и покоится в мертвых же водах. А ее спасенная великой ценой дочь, то, во что обратилась, то, чем стала прежняя Эржебетт – вот она. Лежит перед Всеволодом, запертая в саркофаге в ожидании... Чего?

Какова ее вина? Какова степень ее вины?

Эржебетт... Ведьмина дочь... Лидерка и оборотень-волкодлак... Пусть даже это существо не отняло ни одну человеческую жизнь (что маловероятно, но – пусть). Однако, именно она... оно обрекло на Набег все людское обиталище. Просто потому, что Эржебетт, оказавшись в Проклятом Проходе, не пожелала отсекать себе дорогу назад. Просто юница – тогда еще почти ребенок – боялась. Боялась остаться одной. Навеки. Во мраке. В чужой, чуждой тьме. Просто детский страх оказался сильнее взрослых забот о судьбах мира. Просто Эржебетт очень хотела вернуться и потому она помешала Бернгарду закрыть брешь. Вот и все.

А после ребенок стал темной тварью.

Или где-то в глубине души Эржебетт все же стала ею раньше? Когда отроковица не пожелала взрослеть, а предпочла остаться неразумным, безответственным ребенком.

И вот теперь... Хочешь – вини ее теперь, хочешь – прощай. Хочешь – казни, хочешь – милуй.

Но что теперь решит казнь? И что теперь решит милость?

– Когда Проклятый Проход окончательно обрел власть над Мертвым озером, когда две тьмы разных миров слились в ночи воедино и раздвинули озерные воды, я вернулась, – вновь услышал Всеволод голос Эржебетт. – Я перешла рудную черту в звере. А зверь – во мне. Наверное, на это и надеялась мать, замышляя мое спасение.

Глава 2

– Все же странный способ спасти ребенка, – хмуро заметил Всеволод.
– Он тогда был единственно возможным. Я не стараюсь оправдывать мать, но...
– Разве может называться матерью ведьма, бросившая дочь на растерзание зверю... – перебил Всеволод, – Какая мать захочет, чтобы ее дитя обратилось в зверя?

– А разве ты видишь перед собой зверя, воин-чужак? – шевельнула влажными ресницами Эржебетт.

– Нет, – вынужден был признать Всеволод. – Сейчас нет...

Теперь уже ему не дали договорить.

– Да, мы друг в друге. Мы все – друг в друге. Мы – части целого, но ни одна часть не покушается на другую. Пьющая-Любящая испила оборотаю, обрела его суть и смешала его с собой. Оборотай пожрал человека, однако и человек продолжает жить в нем. Я всегда – это я и еще двое. Но эти двое находятся в мире и согласии со мной. Иначе нам просто не выжить.

Всеволод потрянул головой. Все! Хватит с него отвлеченных разговоров и путанных объяснений! Дело-то в другом. И самое главное – другое.

– Ты взломала границу миров, Эржебетт!

– Это сделала моя мать, – не согласилась она. – Я лишь не позволила пролому затянуться.

– Ты сохранила брешь для темных тварей!

– Однако не я привела их с собой.

– Но Набег! Он начался когда ты... После того, как ты...

Всеволод сбился, сплюнул в сердцах, так и не закончив фразы.

Эржебетт усмехнулась – печально и сочувствующе. Из своего узилища-саркофага она сейчас сочувствовала ему! Им всем! Всеми людскому обиталищу!

– О, нет, воин-чужак, ты сильно ошибаешься. Это еще не Набег. Это только начало Набега.

Начало? Только начало? Всеволод помрачнел.

– Что ты хочешь сказать, Эржебетт?

– Только то, что есть. И чего не может быть иначе. Сначала в брешь между мирами вошла я. За мной последовали оборотаи, также почуявшие проход и успевшие пересечь порушенную границу прежде, чем ее обнаружили Пьющие.

– А потом? Что на той стороне было потом?

– Меня там уже не было, воин-чужак. Но что было без меня – я знаю. О том, что случилось там, я могу судить по происходящему здесь.

– Ну и? – поторопил Всеволод.

– К открытому проходу подошли Пьющие-Властвующие... Черные Князья, Нахтриттеры, Шоломонары, как вы их называете. Только никому из них не удалось стать первым.

– То есть?

– К взломанной преграде одновременно подступили двое... или трое... или Властвующих было десять – это, в общем-то, не важно. Важно, что не было одного, единственного... А время шло, и к проходу спешили все новые и новые Властители. И каждый вел с собой свою армию. Желających перейти границу миров оказалось слишком много. А там, где много желающих, начинается давка и драка. Властвующие до сих пор сражаются за право первым войти в этот мир. Но никто не хочет пускать других в обиталище, полное живой крови. Никто не хочет делиться. Только эта война и сдерживает еще Властвующих у прохода. И, поверь, по сравнению с ней здешний Набег – это маленькая, никчемная стычка.

Ах, вот, значит, как?! Еженощные штурмы, которые едва удаётся отбивать тевтонской Стороже – всего лишь никчемная стычка?!

– Но если Черные Князья и их дружины грызутся между собой с той стороны, кто в таком случае приходит сюда? – с нажимом спросил Всеволод. – Кто выходит из Мертвого озера каждую ночь, а Эржебетт?

– Это не Пьющие-Властвующие, – пленница саркофага пренебрежительно дернула головой – Это простые Пьющие. Исполняющие.

– Властвующие – не властвующие... Какая разница? Нам-то от того не легче, – угрюмо заметил Всеволод.

– Легче, – возразила она. – От этого вам гораздо легче. Пьющие-Исполняющие глупы и недалеки. Если их не ведет воля Властителя, они способны заботиться лишь об утолении неутолимой жажды и о дневном укрытии от солнца. Чувствуя теплую кровь, они лезут к ней даже через серебро и осину. Но – лезут бездумно, напролом. С таким врагом, лишенным осмысленной воли, сражаться проще.

– Хочешь сказать, упыри штурмуют Серебряные Врата не по воле Черного Князя?.. Князей?

– Пьющие-Властвующие или, если тебе угодно – Черные Князья сейчас бросают свои войска друг на друга. Сражаясь за проход в ваш мир, о вашей крепости, они думают меньше всего. Пока, во всяком случае. Но на той стороне идет великая битва. А в великих битвах, случается, гибнут великие воины. Пьющие-Властвующие погибают тоже. Либо от руки друг друга, либо под натиском вражеских армий.

– Разве обычные упыри способны напасть на Черного Князя? – недоверчиво спросил Всеволод. – Ты, помнится, утверждала, что они не поднимали руки даже на тебя. Но если ты м-м-м... Пьющая-Любящая... Черная Княгиня... То уж Черный Князь-то...

– Ты прав, воин-чужак, – перебила его Эржебетт, – По собственной воле, Пьющие-Исполняющие, конечно, не осмелятся причинить вред высшим Пьющим. Но по воле своего Властителя они пойдут и на это. Впрочем, сейчас речь о другом. Я пытаюсь втолковать тебе, что когда гибнет Властитель, на поле боя остается его неприканное войско.

– Простые упыри? – уточнил Всеволод. – Исполняющие, которым больше нечего исполнять? Слуги без господина? Темное воинство без Черного Князя?

– Да, именно так. Войско без хозяина, которое уже и не войско вовсе. Не управляемые твердой рукой и довлеющей над ними разумной волей, низшие Пьющие перестают сражаться. Они покидают поле битвы и бредут, куда им вздумается. Догадываешься куда, воин-чужак?

Всеволод кивнул. Он догадывался.

– Они чувствуют близость крови, близость вашего мира, и уходят к рудной черте. Они идут через ряды сражающихся, проталкиваясь к заветному Проходу. Многие гибнут по пути, оказавшись между вражеских армий, но некоторые все же достигают цели.

– И их что, пропускают?

– Им не мешают, скажем так... Специально – нет. Они никому неинтересны, потому что без хозяина – не опасны. На них не тратят силы, и им не чинят препятствий. По крайней мере специально и сознательно. Их попросту не замечают, на них не обращают внимания. Они – никто в битве Пьющих-Властвующих, потому что над ними больше нет власти и Властвующего. Властители на той стороне сражаются с Властителями. А дружины Властителей – с дружинами Властителей. Понимаешь меня, воин-чужак?

– Кажется... – тихо промолвил Всеволод. – Кажется, да.

Эржебетт сделала паузу. Передохнула. Закончила:

– Вот эти-то ошметки и остатки великих былых армий прорываются через проход, подступают по ночам к вашей крепости и уходят дальше, за крепость.

– Ошметки? – глухо повторил Всеволод. – Остатки?

Всего-навсего, покинувшие поле боя дезертиры.

– Да, – кивнула она. – Так. Низших Пьющих, управляемых высшими, ты еще не видел, воин-чужак. Такие войска в твой мир еще не вступали. Но рано или поздно сюда войдут и они. Даже величайшие из битв не могут продолжаться вечно. Когда одни Властители обескровят других, непременно найдется сильнейший, который прорвется через границу миров, преодолев все препоны слабейших. Прорвется сам и проведет свое войско. А за ним придет другой. И третий...

Всеволод задумался.

– Скажи, Эржебетт, а зачем ты сама преступила рудную черту?

– Зачем? – она недоуменно вскинула брови. – Я?

– Я хочу понять... Ты вернулась домой? Или ты пришла за пищей?

– Здесь мой дом, – ее длинные ресницы чуть колыхнулись. – И здесь много пищи для тех, кто во мне... Кто со мной.

Оборотень и лидерка... Что ж, по крайней мере, честно.

– Хорошо. Тогда ответь на другой вопрос.

«И – так же честно ответь!»

– Зачем ты присоединилась к моей дружине? Почему не ушла за Карпатские хребты? Чего выжидала в Сибиу? С какой целью отправилась с нами в тевтонский замок? Ты хотела отомстить Бернгарду и саксам? Поквитаться за убитую мать?

– Месть? – она чуть заметно вздохнула, расчетливо, осторожно вобрав немного воздуха в стиснутую осиной грудь. – В ваше обиталище уже вступили оборотаи и Пьющие, воин-чужак. Скоро начнется настоящий Набег под началом Властителей. Во время такого Набега найдется, кому отомстить за мою мать и Бернгарду, и его рыцарям, и всему этому миру. Что же касается меня... Наверное, то, что я не позволила закрыть брешь в кровавой черте – более чем достаточно для любой мести.

– Да уж, – скривился Всеволод. – Но тогда мне тем более не понятно, зачем тебе понадобилось вступать в орденскую крепость с моей дружиной? Это ведь вышло не случайно?

– Не случайно, – не стала спорить Эржебетт.

– И ради чего ты так рисковала?

Еще один слабый вздох.

– Я не знала... не предполагала, насколько велик будет риск. Я не думала, что Бернгард и его кастелян так хорошо запомнят мою мать и признают ведьмину дочь в мальчишке-оруженосце при иноземном воеводе?

– Допустим, – Всеволод пристально смотрел на нее через стальную и серебряную решетку и гадал: верить? нет? Сейчас, когда они общались словами, а не через прикосновения, его могли обмануть. – Но ты так и не ответила на мой вопрос. Зачем тебе нужно было в тевтонский замок?

– Мне не нужно было в замок, воин-чужак, – тихо промолвила Эржебетт. – Мне нужно было остаться с тобой. А ты направлялся в замок. И мне тоже пришлось поехать туда.

– Вот как? – Всеволод удивленно поднял брови. – Хочешь, сказать, что ты из-за меня отправилась в самое логово Бернгарда, не взирая на опасность быть разоблаченной?

– Из-за тебя, – она опустила глаза.

– Но почему? Только, Эржебетт, не рассказывай, пожалуйста, сказки о великой любви эрдейской лидерки к чужестранцу. Все равно ведь не поверю.

Она молчала. Отвечать не спешила. Собиралась с мыслями. Что-то обдумывала. И, в общем-то, ясно что: говорить – не говорить? Если говорить – то правду или ложь? Если правду – то насколько откровенно? Только время нынче слишком дорого. Нет его, времечка для долгих раздумий.

А может снова: пальцы – к пальцам, руку – к руке? И – колдовское единение, в котором не соврешь. И – честный рассказ без слов. Мгновенное знание... узнавание истины через соприкосновение.

Нет, эту мысль Всеволод отмел сразу. Он еще слишком слаб для повторного контакта. Он еще не вполне оправился после того... после прошлого раза. После чужой смерти и перерождения. Нужно подождать, восстановить силы. Сначала нужно узнать через слова все, что можно узнать. В конце концов, если Эржебетт не пожелает отвечать на его вопрос вслух, то и посредством безмолвного касания от нее тоже ничего не добиться. Она попросту не пустит его к своим сокровенным мыслям и потаенным уголкам памяти. Это – во власти лидерки. Бернгард говорил, что узнать ее, через нее и помимо ее воли может только Черный Князь.

Всеволод не был Черным Князем. А потому...

– Зачем, Эржебетт? – поторопил Всеволод. – Зачем я тебе понадобился?

На этот раз ему все же ответили. Только – не лидерка. Ответили сзади, из-за спины, громко и уверенно.

– Не ты русич, – ответили. – Твоя сила.

Всеволод обернулся. Быстро, с подскоком. Перехватывая поудобнее уже обнаженный меч и вырывая из ножен второй клинок.

Глава 3

Мастер Бернгард! Тевтонский магистр стоял в проеме открытой двери – между общим склепом павших орденских братьев и склепом, выстроенном для себя, но используемом сейчас по иному назначению. Все как обычно: белый плащ, черный крест, посеребренная броня. Только плащ – промок до нитки и блестят от влаги доспехи. Видимо, наверху идет сильный дождь. А грянет ли гроза здесь?

Или обойдется?

Всеволод смотрел в бесстрастно-холодные глаза тевтона. Может, и обойдется. Забрало на шлеме Бернгарда поднято. И оружие – на поясе, не в руках. Слева – меч в ножнах, справа, в ременной петле – увесистый шестопер. Драться магистр, похоже, не собирался. Пока – нет.

«Но как он прошел?! – промелькнуло в голове. – Как попал сюда? У входа в склеп стоят верные дружинники. Почему не предупредили?»

И еще один вопрос. Не удержавшийся, сам собою слетевший с языка.

– О какой силе ты говоришь, Бернгард?!

– Ей нужна твоя сила, – будничным голосом повторил Бернгард.

Магистр плотно притворил за собой дверь и задвинул внутренний засов, который, в отличие от разбитого внешнего, был цел и невредим. Одиночный склеп и находившиеся в нем Бернгард, Всеволод и пленная лидерка оказались отделены от остального мира.

– Собственно, и не твоя сила даже, а сила твоих предков, которую ты, русич, несешь в себе, даже не подозревая об этом, – уточнил магистр. – Сила твоей крови. Той ее части, которая прежде была кровью Изначальных.

Всеволод опустил обнаженные мечи с серебряной отделкой. Челюсть опустилась сама.

Он был изумлен, поражен, ошеломлен до крайней степени. Он слушал и не знал – верить или нет. Услышанное было слишком невероятным и неправдоподобным, чтобы поверить сразу и безоговорочно. Но если он все же поверит... и если то, во что он поверит, окажется правдой, значит...

Значит, он – потомок Изначальных? Неужто, это хочет втолковать ему сейчас тевтон?

Судя по всему, так все и было.

– За древней силой, заключенной в твоей крови, охотится эта...

Неприязненный взгляд Бернгарда скользнул по освещенному факелом саркофагу.

– ... эта ведьмина дочь, лидерка, вервольф... Существо это... Оно искало силу Изначальных. А, найдя, терять уже не собиралось. Ради этой древней силы Эржебетт пошла за тобой сюда. Даже сюда. Да, здесь для нее было небезопасно. Да, она прекрасно понимала это. Но часто случается, что великий соблазн гонит великий страх.

– Что ты знаешь, Бернгард? – хрипло спросил Всеволод.

– Кое-что. Должен признаться, там, – магистр кивнул на запертую дверь – я стоял довольно долго и успел услышать немало интересного из вашей милой беседы. Но о многом я догадался раньше. Дошел, так сказать, своим скромным умишком.

Что-то я понял, узнав, что твоим оруженосцем прикидывается девчонка, внешне смахивающая на некую эрдейскую ведьму по имени Величка. Ту самую, которая, прорвавшись однажды сквозь облавные цепи, пустила свою кровь в Мертвое озеро и которой я собственно-ручно срубил голову. Что-то я увидел при первой нашей встрече в глазах Эржебетт. Это был ее страх, ужас на грани паники, засевший в такие глубины, из которых его нипочем не выковырнуть... Такую реакцию не способен вызвать незнакомый человек. Так что мы, несомненно, были знакомы раньше. По крайней мере, она меня знала. И отчего-то очень... очень меня боялась. Ну, а догадаться о том, что девчонка делит с тобой ложе, и вовсе не составило труда. И какую плату берет лидерка за свою любовь – тоже.

Ох, и остер, ох, и пытлив же «скромный умишко» тевтонского магистра!

– О чем ты догадался еще, Бернгард? – Всеволод сверлил глазами собеседника. – Что еще понял?

– Понял, отчего случился Набег. Понял, почему Величка, выпустив свою кровь в мертвые воды, осталась на берегу, а не попыталась уйти в темное обиталище. Понял, кого она спасала и ради кого взламывала границу миров. Понял, кто помешал мне закрыть Проклятый Проход. И как помешал. Это могла сделать только Эржебетт. С той стороны. Пролив на рудную черту свою кровь. И, притом, немало крови. А вместе с кровью – потратив изрядную толику древней силы. Но такая кровопотеря и такое расходование сил не проходят бесследно даже для потомков Изначальных. Ты был ее шансом быстро и наверняка пополнить израсходованные запасы.

– Но зачем? Зачем ей вообще нужна сила Вершителей?

Бернгард скривил губы.

– Все-таки ты казался мне умнее, русич. Любая сила есть власть. Над кем-то или над чем-то. Кто ж от такого откажется?

– И все же – зачем?

Тяжкий вздох. Очи горе. Невысказанное вслух, но неприкрытое разочарование и демонстративное сожаление о непроходимой тупости собеседника.

– Тебе ведь рассказали уже о грядущим Набеге. О настоящем Набеге... – Магистр не спрашивал – утверждал. Похоже, Бернгард, действительно, подслушал под дверью их разговор. – О Набеге с каким-нибудь удачливым Нахтриттером во главе.

– С Черным Князем?

– С Князем, с Господарем, с Шоломонаром, с Эрлик-ханом. С Пьющим-Властвующим, как называет его эта тварь, – взгляд Бернгарда вновь скользнул по шипастой клетке в каменном саркофаге. – Твоя сила помогла бы ей выжить в надвигающемся хаосе. Более того, испив тебя, Эржебетт по своему усмотрению смогла бы открывать и закрывать проходы между мирами, не опасаясь полностью лишиться собственной Изначальной силы. А возможно, ей было бы подвластно и... И кое-что иное.

Бернгард вдруг отвел глаза.

– Что? – тут же насторожился Всеволод.

– Больше, – прозвучал ответ, отчего-то показавшийся Всеволоду скользким и уклончивым. – Кто знает, на что способна темная тварь, слившая в себе могущество двух потомков Изначальных. Издревле известно: одна истинная сила не просто увеличивает другую, но преумножает ее и многократно растет сама.

Некоторое время Всеволод молчал, постигая услышанное. Затем спросил:

– Выходит, Эржебетт специально ждала меня? Там, в Сибиу... в Германдштадте?

– Ждала, – Бернгард пожал плечами, от чего за спиной магистра тяжело колыхнулся промокший белый плащ. Черный крест на левом плече шевельнулся, словно нерасплавленное крыло. – Но не обольщайся, не именно тебя русич. Конечно, она не знала, кто придет в Эрдей и кто принесет в себе силу Изначальных. И придет ли, и принесет ли вообще... И все же она надеялась.

– Откуда было взяться этой надежде?

– Не забывай: Эржебетт посвящена в тайну Проклятого прохода, ей известно, что в прошлом потомки Изначальных уже закрывали своей кровью разомкнутую границу.

– Так ведь то – в прошлом!

– Многое в этом мире повторяется, русич, – наставительно произнес Бернгард. – Слишком многое. В той или иной мере, но повторяется. Ты и вообразить себе не можешь, сколько самых разных – естественных и не очень – процессов непрерывно идет по замкнутому кругу или бесконечной спирали. Что-то возрождается, чтобы умереть. Что-то умирает, чтобы вновь восстать из праха. А уж если говорить о магии – как разрушающей, так и созидющей...

Всеволод только покачал головой. Кругозор тевтонского магистра, разбирающегося в тайных и запретных науках, был поистине неисчерпаемым!

– Практически все колдовские чары вращаются вокруг одной магической оси – явной либо мнимой, – продолжал тем временем Бернгард. – Подавляющее большинство сильных заклинаний на самом деле переходят одно в другое и другое – в одно. Ведьмы, творящие ведьмин круг, знают это лучше, чем кто бы то ни было. Даже те из юных ведьм, которые еще не успели пройти посвящение. Это изначальные, простейшие и неоспоримые истины ведовского искусства. Это впитывается будущей ведьмой с молоком матери и первым заговором бабки.

– Но прошлое... – с сомнением начал, было, Всеволод.

– Прошлое тоже имеет свойство повторяться, – перебил его Бернгард. – Эржебетт знала, что род Изначальных не иссяк, поскольку сама принадлежит... принадлежала к этому древнему роду, покуда не была пожрана темной тварью. Она искренне и истово, с искренностью и истовостью, свойственной лишь ведовскому племени, верила, что другие носители сильной крови – потомки потомков Вершителей, от которых зависит судьба людского обиталища – снова придут в эти края. Рано или поздно. По своей или чужой воле. А поскольку единственная дорога к Серебряным Вратам проходит через Германтштадт, подмога никак не миновала бы этого города. И, в общем-то, Эржебетт не ошиблась в своих расчетах.

– Не ошиблась, значит? – Всеволод хмуро взирал из-под насупленных бровей.

– Как тебе известно, русич, из каждой Сторожи, хранящей границу миров, сюда был послан отряд, – продолжал просвещать его Бернгард. – Но суть не в отряде, а в его предводителе, которым являлся лучший из лучших сторожных воинов. Тот, кого искали и отбирали по особым признакам, ведомым только мастерам... старцам-воеводам Сторож. Тот, кого проверяли, тренировали и обучали вместе со всеми, но кто и в учебе, и в бою многократно превосходил прочих. Тот, о ком были основания полагать, что именно он является потомком Изначальных. В русской Стороже таким человеком был ты. В татарском Харагууле – Сагаадай. У нас тоже имелись рыцари, успешно прошедшие необходимые испытания. Конрад, к примеру.

Достойных кандидатов из прочих Сторож я не знаю. Они не дошли. Сгинули в пути. Следовательно, оказались не столь достойны. Следовательно, их кровь была не столь сильна, как нужно. Ты же, русич, довел свой отряд до границ Трансильвании и провел через Эрдейский край по всему разоренному Семиградью. Ты достиг Серебряных Врат.

– Но ведь не только я! – воскликнул Всеволод, – Сагаадай! Он тоже провел... прошел...

Бернгард кивнул:

– Верно. Сагаадай тоже провел и прошел. Правда, потеряв при этом большую часть своей дружины.

– Его путь был долгим и опасным, – заметил Всеволод. – Гораздо более долгим и, возможно, еще более опасным, чем мой.

– И это верно. Как и другое. Лидерка даже не пыталась укротить его дикую степную натуру. Эржебетт не учуяла в нем скрытого могущества Изначальных. И в Конраде – тоже. Она выбрала тебя. Твою силу. А у лидерки на особую силу – особое чутье.

Дальше Всеволод не слушал. Пока – не слушал. Он склонился над каменным гробом и над молчавшей, как камень, пленницей саркофага.

– Это так, Эржебетт? Это правда? То, что говорит Бернгард?

Оба меча в руках Всеволода были сейчас опущены. Посеребренные острия клинков за малым не касались плит пола. Всеволод пристально смотрел сквозь шипастую решетку из стали и серебра в лицо Эржебетт. В милое лицо девы-твари. В зеленые глаза, отражающие нервный факельный свет.

«Это так? Это правда?»

Глава 4

Из саркофага ему не сказали ни слова. Не кивнули утвердительно, не мотнули головой, отрицая. В саркофаге лишь отвели взгляд.

Но прежде Всеволод все же успел уловить и увидеть... В темной зелени очей-озер и мерцании огненных бликов он ясно и отчетливо разглядел свое отражение. Такое же, как в перепуганных водах Мертвого озера. Перевернутое. Вверх ногами. И не было тут ни морока, ни наваждения. Было – как было. Было – что было. Страх. Животный ужас.

Эржебетт боялась. И в этом безотчетном страхе, в ее панический ужасе Всеволод распознал невысказанный ответ. Он понял: да, это так, да, это правда. Все, что тевтонский магистр говорит сейчас и все что он скажет после.

А магистр говорил. Старец-воевода Закатной Сторожи повторно давал Всеволоду урок, который тот по глупости и слепоте своей не желал усваивать раньше.

– Лидерка способна брать чужую силу в любом ее проявлении: не только через кровь, но и через любовь. Разумеется, только через греховную плотскую любовь, – рыцарь-монах брезгливо поморщился. – Ее развратные ласки доставляют больше удовольствия, чем ласки опытейших куртизанок, но страстные соития с ней забирают жизненные силы. Поначалу оставляя сладкую истому в членах. После – вовсе истощая человека до смерти...

А ведь точно! А ведь, в самом деле! Всеволод вспомнил овладевшую им сладостную... невероятно-сладостную истому, блаженное опустошение, вялую и сонную слабость, чем-то похожую на смерть. Так оно все и было. Тогда, после их совместной с Эржебетт ночи, проведенной вместе в монашеской келье. И сама Эржебетт была... Довольной и сытой кошкой она тогда ему показалась. Довольной и СЫТОЙ. Насытившейся если не сполна, то – изрядно.

– Чтобы испытать свою жертву на любовном ложе целиком, до конца, лидерке требуется не одна ночь, – продолжал тевтонский магистр. – И чем больше пожираемая ею сила – тем больше нужно ночей. Днем, правда, ее чары не страшны человеку. Днем даже лидерка не способна забирать чужую силу и жизнь. Волшба темной твари рассеивается под солнцем так же быстро, как испаряется кровь мертвых нахтцереров. Но уже после первой ночи, проведенной с ней, в сердце человека остается саднящая заноза. Или... – Бернгард опять скривился. – Или, скорее уж, не в сердце. А кое-где пониже. Осознанные и – еще в большей степени – неосознанные воспоминания о пережитом наслаждении снова и снова влекут несчастную жертву на губительное ложе страсти. Этому трудно, почти невозможно противиться. К тому же не следует забывать, что Эржебетт – тварь особого рода. Вместе с лидеркой и вервольфом в ней уживается еще и ведьмина дочь – пусть не прошедшая полноценное посвящение, но, наверняка, успевшая по верхам нахвататься от матери нехитрых приемчиков примитивной женской магии. Даже самые простенькие из них эффективно воздействуют на мужа-воина, неискушенного в любовных играх и изощренном флирте. Так что Эржебетт нетрудно было поддерживать твой интерес к своей персоне не только ночью, но и при свете дня.

Магистр говорил. Всеволод слушал. Эржебетт молчала. Они были заперты втроем в мрачном подземном склепе. И склеп этот сейчас был их маленьким тесным мирком, в котором решалось что-то важное, что-то судьбоносное для всего остального людского обиталища – того, который остался снаружи, за толстой каменной кладкой и еще более толстым слоем земли.

Магистр говорил...

– Рано или поздно, лидерка вытянула бы из тебя всю силу Изначальных и всю жизненную силу, обратив твою кровь в никчемную подкрашенную водицу, а тебя самого – в остывший труп. Уж не знаю, на сколько бы ночей тебя хватило, но к счастью, в этом замке ночь – пора войны, а не любви.

– К счастью?! – у Всеволода нервно дернулись уголки рта.

– Именно так, – строго сказал Бернгард. – К счастью для тебя – в первую очередь. Я, как мог, заботился о том, чтобы от заката до рассвета вы с Эржебетт не оставались наедине ни на минуту. Чтобы у тебя не возникало мысли о любовных утехах ни до штурма, ни после. Ну, а уж во время ночных битв тебе самому было не до того. Однако Эржебетт чуяла твою силу. И жаждала ее. И сдаваться не собиралась. Она лишь дожидалась удобного момента. И вполне могла дожждаться.

– А чтобы этого не случилось, ты послал к ней своего человека с раствором адского камня в латной перчатке? – не отводил глаз от магистра Всеволод. – Воспользоваться потайным ходом он не смог, поскольку сундук, закрывавший лаз, в ту ночь был подперт столом. Проникнуть в нашу с Эржебетт комнату можно было только через дверь, возле которой я и застал твоего посланца. Скажи, что должен был сделать этот рыцарь? Облить Эржебетт жидким серебром? Напоить ее?

Вяло усмехнувшись, Бернгард ушел от прямого ответа:

– Сейчас ты все понял неверно, русич. А тогда – появился не вовремя. Ты слишком беспокоился за Эржебетт, и после того случая уже не пожелал расставаться с ней. Ни днем, ни – что гораздо хуже – ночью. Даже во время штурмов ты держал ее возле себя. В общем, ситуация осложнилась и вас следовало разлучить.

– И по твоему приказу в Эржебетт пустили стрелу с зазубренным наконечником и надколотым древком из осины?

– По моему, – не стал спорить магистр. – Пришлось пролить немного ее крови, чтобы сохранить силу твоей. Впрочем, у меня были основания предполагать, что ты не дашь Эржебетт истечь кровью. Я не ошибся.

– Почему ее только ранили? – спросил Всеволод. – Почему не убили? Стрелок оказался никудышным? Или ты опасался, что я оставлю стены и поведу своих людей против тебя.

– Такое тоже могло случиться, – серьезно ответил Бернгард. – Ты находился под чарами лидерки и ведьминой волшбой. Но главная причина все же в другом. Эржебетт нужна мне живой. Мне нужна ее кровь... та часть ее крови, которая прежде принадлежала ведьминой дочери и которая по сию пору несет в себе силу Изначальных.

Всеволод нахмурился:

– Зачем тебе ее кровь?

– Чем-то надо закрывать брешь между мирами, русич, – ответил Бернгард. – Кровь на кровь, слова на слова – и порушенная граница восстановится. И Набега – настоящего Набега – уже не случится. И вообще не будет никакого Набега. Надеюсь, крови Эржебетт хватит, чтобы запереть Проклятый Проход.

Ах, вот оно что!

– Вот почему ты с самого начала убеждал меня отдать тебе Эржебетт?

– Потому, – утвердительный кивок.

– Вот почему охотился за ней?

– Потому, – еще кивок.

– И вот почему сейчас ты держишь ее здесь в осиновых тисках и в клетке из серебра и стали?

– Поэтому.

Третий кивок. И – разъяснение:

– Это не убьет Эржебетт, но будет помехой ее волшбе. Осина, впечатывающаяся в плоть, вытягивает колдовскую силу и не дает лидерке прельщать и соблазнять, как прежде. Шипы серебряной решетки сдержат вервольфа, если Эржебетт попытается перекинуться в зверя, а сталь не выпустит наружу человека. Эти колодки и эту клетку изготовили по моему приказу вскоре после вашего появления в замке. Как видишь, и то, и другое пригодились. Лидерка все

же попала ко мне в руки, чему ты, русич, по своему неразумению, так долго противился и так упорно препятствовал.

Всеволод вздохнул. Да, по неразумению. Да, противился. Препятствовал...

– Погоди-ка! – Всеволод вспомнил то, о чем позабыл в череде внезапно навалившихся откровений и потрясений. Но о чем забывать никак не следовало. Ради чего он здесь, в этом склепе – вспомнил.

– Кто убил моих дружинников, Бернгард? – выпалил он. – Тех, кто охранял Эржебетт?

– Не я, – спокойно ответил тевтон. – В этом ты можешь не сомневаться. Я, участвовал в дневной вылазке – ты знаешь...

– Но и не лидерка. Это я знаю тоже. Теперь – знаю. Выходит, твои люди, оставшиеся в замке?

– Тебе известно, сколько их было, русич, – Бернгард неодобрительно покачал головой. – Думаешь, они смогли бы так просто совладать с охраной Эржебетт? И потом... Подумай о том, как погибли твои дружинники.

– Они обескровлены! – вздохнул Всеволод. – Их испили.

– А братья ордена Святой Марии, бьющиеся против нечисти бок о бок с твоими воинами, не пьют человеческой крови.

– Тогда кто?! – вспыхнул Всеволод. – Я не спрашиваю, Бернгард, кто выкрал для тебя Эржебетт. Я спрашиваю – кто испил моих дружинников? Кто, прах вас всех побери, это сделал?! Ваш пресловутый замковый упырь, о котором столько говорят? Он все-таки существует?

– Ты узнаешь об этом позже. Сейчас у нас с тобой разговор о ней.

Бернгард кивнул на саркофаг.

Глава 5

– Послушай, сакс... – едва сдерживая ярость, прохрипел Всеволод.

– Нет, это ты меня послушай, русич, – магистр повысил голос. – Мертвым уже не поможешь. Нам нужно думать о живых. О пока еще живых. Которых может спасти только сильная кровь. Кровь этой лидерки. Или твоя кровь.

– Что?! – Всеволод недобро прищурился.

Молнией полыхнула неожиданная догадка. Слепящими отблесками – озарение.

И – следом – гнетущее, затмевающее все и вся разочарование. И з-з-злоба. Страшная. Жуткая.

– Сильная кровь, говоришь? Кровь лидерки или моя кровь?

Из глаз Всеволода изливалась лютая... лютейшая ненависть.

– А скажи-ка, Бернгард, только честно скажи... Для чего во главе дружин, отправленных сюда, были поставлены лучшие сторожные воины, каждый из которых мог оказаться потомком Изначальных? Скажи, зачем тебе понадобились мы? Зачем тебе понадобился я? Моя сила? Моя кровь? На самом деле – зачем?

Всеволод смотрел в глаза, а через глаза – в душу собеседника. В закрытую, замурованную душу тевтонского старца-воеводы. Смотрел, пытаясь проникнуть сквозь засовы, запоры, глухую кладку...

– Не мне – негромко промолвил орденский магистр. – Всеми людскому обиталищу.

Бернгард отвел взгляд. Отвел-таки...

Всеволод понял.

– Жертва... – с горькой усмешкой произнес он.

Не спросил – спрашивать об этом теперь нет нужды. Все и так предельно ясно.

– Я нужен здесь как жертва. Как носитель жертвенной крови. Редкой замазки, особого раствора, что закроет и склеит порушенную границу обиталищ. А все остальное – пустое. Все – пыль в глаза. Обман. Морок. Созданный не чародейством, но хитростью и коварством. Для меня специально созданный. И для тех, кто со мной. Чтобы никто ни о чем не догадался прежде времени. Чтобы никто ничего не заподозрил. Ведь на самом-то деле не я вовсе привел сюда свою дружину. Это меня вели. Хотя шел я. Ехал я. По доброй воле. Искренне веря, что моя рука и мой меч спасут или хотя бы отсрочат гибель мира. А дело – не в твердой руке и не в крепком мече. В одной лишь жертвенной крови дело. Меня обучали воинскому искусству не для того, чтобы крушить и побеждать врага. А для того только, чтобы добраться сюда живым, чтобы пробиться через все препоны. Чтобы донести свою бесценную кровушку не пролитой, не расплесканной.

Бернгард не прерывал. Всеволод не умолкал:

– Поначалу меня вел Олекса. С тех самых пор, как его посланцы подобрали мальчишку-сироту на разоренном пепелище. Хорошо вел. Обучал, тренировал, вылепливая и сотворяя из меня то, что было нужно... Что ему было нужно. Его посланцы угадали. Посланцы старца-воеводы отыскивали потомка Изначальных Вершителей. Затем, когда случилась беда... когда начался Набег, Олекса передал меня тебе. А ты принял живой дар. Нет, не меня даже – а что во мне. Кровь... да и не ее, по сути. Частичку древней силы, растворенной в ней. Силы тех, кто жил задолго до меня. Так?

Молчание. Кивок. Едва-едва заметный.

– Кровь – на кровь, слова – на слова, – тихо отозвался магистр.

– Ну, да, конечно. – Всеволод невесело усмехнулся. – Моя кровь и твое заклинание должны были закрыть брешь между мирами.

– Твоя кровь и кровь Сагаадая, и кровь любого воеводы из других Сторож, пробившегося сюда. В воды Мертвого Озера свою кровь пролил бы каждый из вас.

– Каждый? – Всеволод сверлил собеседника глазами.

– Каждый, кто мог оказаться потомком Изначальных, – ответил Бернгард. – Так было бы надежнее. Безошибочно и с полной уверенностью распознать среди разных кандидатов истинного носителя древней крови не просто.

– Эржебетт распознала, – напомнил Всеволод.

– Эржебет – лидерка. У нее особый нюх на сильную кровь.

Помолчали. Недолго. Секунду или две.

– Как много нашей крови ты намеревался выпустить в Мертвое Озеро? – спросил Всеволод.

– Всю, – коротко ответил Бернгард.

Пояснил:

– Чтобы запечатать Проклятый Проход наверняка, крепко и надолго.

Всеволод понимающе кивнул. Ну да, наверняка и надолго.

– Для этого, выходит, нас послали сюда старцы-воеводы?

– В первую очередь – для этого.

Эх, Олекса-Олекса! Мудрый наставник и коварный обманщик. Хотя в чем тут обман-то? А ни в чем. Ему лишь не открыли всей правды.

И все же...

– А нельзя было просто сказать? – сквозь зубы спросил Всеволод. – Все? Сразу? Раньше? С самого начала. О том, зачем мы едем в Эрдейские земли? Так ведь честнее.

– Честнее, – согласился Бернгард. – Но так – нельзя. Человек непредсказуем. Порой он предпочитает жить ценой гибели своего обиталища. А уж если человек узнает о своей исключительности и избранности, о том, какая... чья кровь течет в его жилах, тогда...

– Тогда – что?

– Тогда он еще больше будет расположен забыть о мире вокруг.

– Думаешь, узнай я правду – отказался бы идти в Эрдей?

– А что думаешь об этом ты сам? – теперь уже Бернгард заглянул ему в глаза и в душу. Жесткий, острый и холодный взгляд магистра как ножом полоснул. – Согласился бы ты, русич, мчаться сюда не ради обещанной славной битвы и не ради защиты прорванного порубежья, а попросту на убой? Единственно для того лишь, чтобы тебе вскрыли жилы и выпустили в мертвые воды всю – до последней капли – кровь? А если бы даже и согласился – сильно бы ты спешил тогда? Не искал бы в пути любого – оправданного и неоправданного – повода задержаться? Не подумывал бы о возвращении? Не опоздал бы?

Отчего-то отвечать на эти вопросы Всеволоду не хотелось. Непривычно боязно было отвечать. А то как бы не солгать. Бернгарду? Себе? А может, и не было ответа на такие вопросы. Ну, как на такие ответишь? Если бы... Согласился бы? Спешил бы? Не опоздал бы? Нет, определенно, отвечать не хотелось. Сейчас хотелось задавать вопросы самому.

– Верно ли я понял, Бернгард, что все дело в Изначальной крови, а в обороне Серебряных Врат, как таковой, смысла нет?

Всеволод резко сменил тему разговора. Однако магистр ответил сразу, без заминки:

– Ни малейшего. Ты был прав с самого начала, русич: защищать стены Сторожи бесполезно. Да и ни к чему это. Нечисть уже перехлестнула через Карпаты. И крепость долго не удержать.

– Но ты удерживал в ней людей. Заставлял их сражаться, гибнуть...

– Я лишь ждал того, в чьих жилах течет кровь Вершителей.

– А смерть тех, в чьих жилах текла обычная кровь, для тебя ничего не значит?

– Ошибаешься, русич. Именно смерть доблестных орденовских братьев, верных оруженосцев, и бесстрашных кнехтов помогла мне дожидаться тебя.

– Вот только твои павшие воины не знали и уже не узнают правды.

– А зачем им это? – в голосе Бернгарда прозвучало удивление. – Они искренне верили, что гибнут не зря.

– Ну, еще бы! – поморщился Всеволод. – Они же полагали, что пока Серебряные Врата держатся, человеческое обиталище может не бояться пришествия Черного Князя. Ты и меня пичкал этими сказками.

– Со сказками проще воевать и легче умирать.

– Ты лгал своим воинам, Бернгард!

– И что с того? Ложь бывает ценнее горькой правды. А моя ложь позволяла побеждать отчаяние и выигрывать время.

– Вот как? – криво усмехнулся Всеволод. – Интересно, а почему сейчас ты говоришь мне обо всем, что так долго утаивал прежде?

– Потому что ты задаешь вопросы, на которые я должен что-то ответить. И потому что сегодня мы как никогда должны действовать сообща.

– Что-то случилось, Бернгард? – Всеволод ощутил смутную тревогу.

Должно быть, что-то из ряда вон выходящее.

– Случилось...

– Что?!

Ну почему из этого клятого магистра слова приходится вытягивать, как жилы из упрямого полонянина?!

– Нахтриттер вышел из Мертвого озера. Шоломонар вступил в наш мир, русич.

– Что?! – внутри у Всеволода все оборвалось.

– Он и его войско приближаются к Серебряным Вратам.

– Что?!!!

Бернгард вздохнул:

– Начинается Набег, русич. Настоящий Набег – вот что. Нахтриттера и подвластных его воле тварей уже сейчас можно видеть со стен.

– Ты лжешь?! Опять?!

Или... или все же нет? Всеволод не знал точно. Всеволод колебался.

Бернгард невесело усмехнулся, будто читая его мысли:

– Ты сможешь выяснить все сам, когда поднимешься наверх. Только там ты убедишься в правдивости или лживости моих слов. Ну а пока... Пока просто отойди в сторону и отдай мне это...

Бернгард указал взглядом на саркофаг.

Это?

Речь, конечно же, шла о содержимом каменного гроба. Об Эржебетт. О ведьминой дочери, о лидерке-волкодлаке, о Черной Княгине, о Пьющей-Любящей. Даже нет, не так – о ее содержимом. О пожранной и испитой темной тварью крови Изначальных. О силе, таящейся в этой крови.

Глава 6

– Просто поверь и просто отдай ее мне, русич, – вкрадчиво, но настойчиво увещевал магистр. – Возможно, кровь Эржебетт еще поможет нам все исправить.

– Послушай, воин-чужак, – слабо донеслось из саркофага – испуганное, умоляющее...

– Заткнись! – рявкнул на пленницу Бернгард. И вновь повернулся к Всеволоду: – Не ее слушай, русич – меня. Слова темной твари лживы.

«А твои? Насколько правдивы твои слова, Бернгард?»

Что-то смущало Всеволода. Что-то мешало принять на веру все услышанное от тевтонского магистра полностью и безоговорочно. Как ни крути, но много, слишком много таилось в его словах опасной недосказанности. Лидерка – та хоть может открыться при прикосновении. Да, открыться по своему желанию, да, настолько, насколько захочет, но зато без лжи. С Бернгардом такое не выйдет.

– Я вижу, ты все-таки не веришь мне, русич. Или над тобой еще властны отголоски былых чар Эржебетт?

– Чары тут ни при чем, – Всеволод вперился в собеседника тяжелым взглядом. – Но как я могу целиком доверять хозяину замка, в котором неведомые упыри испивают моих дружинников? Как доверять тому, кто не желает говорить всей правды?

– А всегда ли ты готов принять правду? – криво усмехнулся Бернгард. – Всю? Однажды я уже пытался тебе сказать правду об Эржебетт. И что? Тот, кто сам желает быть обманутым, не внемлет чужим советам, пока не дойдет до истины собственным умом. В случае с Эржебетт я помог тебе, чем мог. Рассказал о страхе в глазах темной твари и о Мертвом озере, страшщемся серебра. Тебе оставалось только сравнить два этих страха, найти в них общее и сделать выводы. Но сейчас времени помогать тебе у меня нет.

– На самом деле его не было и раньше. – Всеволод сокрушенно покачал головой. – Тебе следовало с самого начала отнять у меня Эржебетт силой, раз уж я оказался настолько слеп, что не видел очевидного. Так было бы лучше для всех.

– Нет – хуже, – не согласился Бернгард. – Много хуже. Отнимать силой – значит, проливать кровь. В неразумной битве могла пролиться и твоя кровь, и ее. Терять так глупо сильную кровь Изначальных – непозволительное расточительство. Да и обычная человеческая кровь... Зачем понапрасну губить твоих и моих воинов?

– Думаешь, их меньше погибло за время ночных штурмов, пока ты открывал мне глаза на скрытую суть Эржебетт?

– Здесь, в Серебряных Вратах, гибель гибели – рознь, – задумчиво промолвил Бернгард.

– Не понимаю. Такого – не понимаю.

– Тебе это и ни к чему. Пока. Пока от тебя требуется другое. Согласие.

– С чем?

– С тем, что мы по-прежнему – союзники. С тем, что сильная кровь должна закрыть границу миров. С тем, что это будет кровь Эржебетт. С тем, что ей предстоит погибнуть на берегу Мертвого озера той же смертью, которая настигла ее мать.

Тихий, полный ненависти стон донесся из саркофага. Стон и заковыристое ругательство.

– Что, лидерка? – злорадно процедил Бернгард. Магистр торжествовал, насмехался и издевался. – До сих пор стоит перед глазами та картинка, а? Помнишь, как голова Велички плавает в озере? Как кровь оседает на дно? Как мертвые бельма пляшут сквозь воду? Ну так помни, тварь, помни!..

Эржебетт уже не стонет – всхлипывает.

– Перестань, Бернгард, – попросил Всеволод, не понимая смысла подобных словесных измышательства.

Но не был услышан.

– Ах, тебе не нравится, тварь? – Эржебетт плакала и поскуливала. Бернгард, не отводивший глаз от каменного саркофага, ярился все больше. Никогда еще Всеволод не видел невозмутимого тевтонского старца-воеводы в таком состоянии. – Думала, разгрызешь и расцарапаешь руку до мяса, сунешь ее в брешь, прольешь кровь на кровавую стену, тупо повторишь шепотком уворованное заклинание – и тем проведешь меня? И обманешь? Так думала, да?!

Ах, вот оно что... Магистр попросту не мог простить Эржебетт своей ошибки. Той... там... тогда – на берегу Мертвого Озера.

– Надеялась перевязать рану клочком грязного подола, затянуть повязку зубами и спастись? И вернуться? Снова выбраться на бережок, с которого тебя спихнула твоя клятая мамаша? Укрыться и переждать надеялась?

Да, Бернгард не мог простить Эржебетт. Не мог забыть своего давнего промаха. И потому, наверное в нахлынувшей ярости тевтонский магистр забылся сам. Когда накопившаяся ненависть, взломала все препоны и выплеснулась-таки наружу, Бернгард допустил новую ошибку. Быть может, еще более серьезную, чем прежде.

– А слившись с Пьющей-Любящей и оборотам и пройдя через кровавую преграду, ты вообразила, что твои надежды оправдались? – не унимался магистр.

Всеволод больше не встречал в затянувшийся монолог. Он лихорадочно соображал: откуда Бернгард мог знать? Все это? Так точно? Дело-то ведь даже не в сорвавшихся сгоряча словах – «оборотай» вместо «вервольфа» и «Пьющая-Любящая» вместо «лидерки». Дело в другом.

«Разгрызешь и расцарапаешь руку до мяса, сунешь ее в брешь, прольешь кровь на кровавую стену, тупо повторишь шепотком уворованное заклинание...» Разгрызешь и расцарапаешь... руку до мяса... на кровавую стену... СТЕНУ – не черту, не границу! Стену, которую можно увидеть только с той стороны Проклятого Прохода!

Откуда...

«Надеялась перевязать рану клочком грязного подола, затянуть повязку зубами и спастись?» Клоком подола... затянуть зубами...

...Бернгард мог...

«Снова выбраться на бережок, с которого тебя спихнула твоя клятая мамаша?» Бережок... спихнула мамаша...

...знать ЭТО?!

Бернгард не видел, что происходило в ту роковую ночь на Мертвом Озере до его появления на берегу. И Бернгард не мог видеть, что произошло по ту сторону рудной черты, когда сам он находился по эту.

Однако тевтонский магистр все сказал верно. Так сказал, как Эржебетт поведала-показала Всеволоду через краткое прикосновение. Вот именно! Вот то-то и оно! Через безмолвное прикосновение! Через мысли, чувства, воспоминания. Но – не через слова.

У Бернгарда не было возможности подслушать ЭТО, стоя у двери склепа. Сегодня об ЭТОМ Эржебетт вслух не говорила. И прежде Бернгард не мог ничего у нее выведать. Эржебетт прежде с ним не разговаривала. Эржебетт вообще ни с кем не разговаривала, прикидываясь немой. И в плен... в осиновые тиски, в клетку из серебра и стали, в каменный гроб Эржебетт тоже попала, в отсутствие Бернгарда. Магистра в тот момент в замке не было. Магистр был на вылазке. Так когда же он узнал такие подробности? И – главное – как узнал?

– Откуда он знает, воин-чужак?! – выкрикнула Эржебетт. То, что уже не на шутку встревожило Всеволода. – Подумай, откуда он мог...

– Молчать! – Бернгард понял наконец, что не уследил за языком. Осознал, что в сердцах сболтнул лишнее. – Молчать, тварь!

Выражение, промелькнувшее на перекошенном лице магистра, выдало несвойственному этому лицу растерянность. И... испуг? Страх? Нет, еще не страх. Еще – нет, но...

Решение возникло интуитивно. Не из разума – из сердца. Рассудок не поспевал анализировать ситуацию и делать выводы. Но особое глубинное, нутряное чутье, что сродни звериному, подсказывало: именно это решение верное. Нужно, чтобы мимолетный испуг Бернгарда перерос в панику. Тогда можно заставить магистра говорить. И говорить с большой долей вероятности правду.

Вот только что может по-настоящему напугать бесстрашного тевтона? Меча у своего горла он не побоится наверняка. Да и непросто будет приставить к шее Бернгарда обнаженный клинок. Между магистром и Всеволодом – саркофаг. Пока оббежишь, пока перепрыгнешь... Бернгард успеет выхватить оружие. А уж как он им управляется, Всеволод видел во время ночных штурмов. Как положено Сторожному старцу-воеводе – так и управляется. Лучше всех.

А впрочем... Разве свет сошелся клином на горле Бернгарда? Вовсе нет! Всеволод уже знал, чем можно пронять орденского магистра.

Двойной молнией мелькнули в свете факела мечи обоерукого. Один – в правой деснице, второй – в левой. Один клинок нырнул острием в шипастую клетку и уткнулся в горло Эржебетт – над верхним краем осиновых тисков. Лезвие второго легло под подбородок Всеволода.

Глава 7

– Что?! – встрепенулся Бернгард. – Что ты делаешь, русич?

А вот теперь – да, теперь легкий испуг в глазах тевтона рос, ширился, становился страхом. Непонимающим, недоверчивым еще – но настоящим страхом.

– Бернгард, – хрипло обратился к магистру Всеволод. – Предлагаю сделку. Ты отвечаешь на мои вопросы. Я – оставляю тебе кровь, способную закрыть рудную черту. Если нет – и моя кровь, и кровь Эржебетт прольется сейчас и здесь.

Бернгард прищурился. Видно было: взвешивает шансы. Прикидывает расстояние. Прощитывает возможные действия. Понимает, что даже ему уже не успеть... Ни вырвать, ни выбить оружие из рук обоерукого противника. Чиркнуть себя по горлу и воткнуть меч в горло Эржебетт – это ведь куда как проще, куда как быстрее. Для этого времени почти не нужно. А когда... если это произойдет, кровь уже не остановить. От излившейся же и запекшейся крови проку не будет. Мертвая, она не несет в себе никакой силы.

Магистр не шевелился. Похоже, магистр все понимал правильно. И Всеволод решил ковать железо, пока горячо.

– Прежде всего, меня интересует, кто убил и испил моих дружинников, охранявших Эржебетт.

Пауза. Небольшая, выжидающая. Но – нет ответа.

– Объясни мне, Бернгард, кто или что порождает слухи о замковом упыре?

Еще одна пауза. Тоже – недолгая. И снова – молчание.

– Еще я хочу знать...

А вот тут его перебили. Невежливо. Спокойно. Уверено. Внешне – уверенно.

– Убери мечи и не грози понапрасну, русич, – процедил тевтон. – Ты все равно не сделаешь того, о чем говоришь. Может, ты и готов убить себя и Эржебетт, но ты не обречешь на смерть все людское обиталище.

Да – не сделает. Да – не обречет. И все же Бернгард никогда не будет уверен в этом полностью.

– Человек непредсказуем, – Всеволод напомнил магистру его же слова, – в особенности, человек, узнавший о своей исключительности. Такой человек, как ты сам говорил, Бернгард, может предпочесть жизнь ценой гибели всего мира. А уж перед лицом неизбежной всеобъемлющей смерти – он и вовсе не станет задумываться о судьбе обиталища. В конце концов, что мне мир, которому я, вернее, и не я даже, а моя кровь нужна только для латания дыр? Что ждет меня в этом мире? И чего мне ждать от него? В лучшем случае – Нового Набега, для предотвращения которого вновь понадобится жертвенная кровь потомка Изначальных.

Знаешь, Бернгард. Эржебетт ведь тоже кое на что открыла мне глаза. Таких, как я специально оберегают от любви и излишней привязанности к кому бы то ни было, чтобы ничего не отвлекало нас от великой цели. Но такая забота может дать и обратный эффект. Когда вдруг разувериваешься в честности старцев-воевод, готовящих тебя к спасительной миссии, возникают всякие мысли... Зачем вообще остаток жизни плясать под чужую дудку, подобно подневольному упырю при Черном Князе? Под дудку лжецов, скрывающих ложь – неважно какую, важно, что ложь – за красивыми словами о чести, долге, ответственности. Быть может, лучше просто... сразу...

Всеволод покосился на мечи у своего горла и у горла Эржебетт.

– И все же ты не сделаешь этого, русич...

Ишь, заладил! Вроде бы – прежний, спокойный тон. Кривая презрительная-надменная усмешка на устах. Невозмутимо-каменное лицо. Вроде бы...

– Не сделаешь...

Но неоправданное повторение одних и тех же слов выдает чрезмерное напряжение и скрытое волнение. Но в глазах, якобы, лениво, и без особого интереса осматривающих обнаженные клинки – холодная настороженность. И где-то в глубине тех глаз – тщательно запря-
танный и тихонько тлеющий страх. Маленький такой, придавленный, едва заметный страшок. Неунятый, однако, до конца.

Как и предполагал Всеволод, Бернгард не знал наверняка, осуществит ли его собеседник свою угрозу или нет... И потому тревожился. Что ж, нужно укрепить его сомнение, подбавить страха, взрастить тревогу.

Всеволод собрался.

– Ты не сделаешь э...

А в следующий миг...

– Э-э-э!

Он сделал.

Кое-что.

Громкий вскрик. Резкое движение.

Громкость и резкость были нарочито демонстративными и не имели ничего общего с серьезными намерениями. Но Всеволод все же постарался быть убедительным. Чиркнул себя по горлу, взрезав кожу... только кожу... оставив длинную кровоточащую царапину.

Чуть вдавил меч в горло Эржебетт. Оцарапав и ее.

Она поверила. А может, подыграла. Вскрикнула. Всхрипнула. Всхлипнула.

Но что важнее – поверил Бернгард. Тевтонский магистр изменился в лице и весь аж подался вперед.

Навис над разделявшим их саркофагом.

– Стой! Русич! Сто-о-ой!

А в глазах... Нет, в глазах магистра уже не прежний слабенький, загнанный подальше и упрятанный поглубже страшок. В глазах – СТРАХ. Ужас. Настоящий. Всеохватывающий. Всеобъемлющий.

И еще... Это самое «еще» длилось совсем недолго. Мгновение, не больше. В любой иной ситуации Всеволод счел бы ЭТО игрой теней и факельного света. Но не сейчас. Не здесь. Цепкий глаз лучшего воина русской Сторожи уловил движение в зрачках Бернгарда, прежде чем магистр совладал с собой.

Отражение Всеволода, качнулось и...

И перевернулось в чужих зрачках.

Вот оно что! Вот оно как!

– Смотри! – Эржебетт закричала во весь голос, не щадя стиснутой осиной груди, – Смотри ему в глаза, воин-чужак!

Выходит, тоже видит. Тоже знает. Тоже поняла.

– Смотри! Он, как и я – оттуда! Он – как я! Как я! Как я – он!

Он как она?..

Бернгард отступил от саркофага молча, с перекошенным лицом.

– Теперь ты понял, воин-чужак? – торопливо продолжала Эржебетт. – Понял, откуда он знает то, чего знать не должен, чего не видел и чего не слышал сам.

Нет, этого потрясенный Всеволод еще не понимал.

– Он касался меня, когда я, раненная, лежала в полузабытье с осиновой щепой в ноге. Тогда я не ведала, что происходит. Думала – сон, бред. Но теперь знаю: ни то и ни другой. Он не просто прикоснулся ко мне. Он все узнал через прикосновение. Как узнавал ты! Но тебе-то я открывалась сама. А он... Он – помимо моей воли! Всю меня! Он выпотрошил мои мысли, чувства, память, душу!

А ведь было! В самом деле – было. Та картина возникла как наяву. Беспомощная Эржебетт лежит на ложе, составленном из сундука и лавки, прикрытая медвежьей шкурой. Забылась – то ли во сне, то ли в беспамятстве. А Бернгард тянет к ней руку.

Вот ладонь магистра трогает лоб, залепленный влажными рыжими волосами. Эржебетт дергается всем телом, стонет. Всеволод спешит на помощь. Но Бернгард уже убирает руку с потного лба. Выходит, то краткое соприкосновение пальцев тевтона со лбом лидерки...

Да, выходит, что так. И – другое тоже выходит. Познать лидерку одним касанием и помимо ее воли под силу лишь... лишь...

Бернгард ведь сам говорил, что на такое способен только...

Похолодевшие пальцы Всеволода сжимали рукояти мечей так, словно намеревались их раздавить.

Несколько мгновений назад магистр был встревожен и сильно напуган. И этот страх за чужую – нет, не за жизнь даже – за чужую кровь, на которую у Бернгарда были свои виды, выдал его истинную суть. Темную. Черную.

Всеволода тоже почувствовал нешуточный страх. Ледяная ладонь вдруг стиснула сердце. Невольно отступая на шаг... и еще на шаг... и еще на один... Всеволод поднимал мечи.

– Ты... – слова с трудом продирались через пересохшее горло. – Так, ты тоже, Бернгард?

«Он, как и я – оттуда! – вновь звенел в ушах голос Эржебетт – Он – как я!»

Тоже...

Нет, ни лидеркой, ни оборотнем, ни простым упырем он оказаться, конечно же, не мог. Но и обычным тевтонским магистром – магистром Семиградья, комтуром Серебряных Ворот и членом генерального капитула ордена Святой Марии – мастер Бернгард быть не мог тоже.

– Ты Черный Князь?

Недобрая усмешка скользнула по губам Бернгарда.

– Что ж, русич, не стану отрицать очевидное. Да, я Пьющий-Властвующий. Нахтриттер, Шоломонар, Черный Господарь и Князь, которому посчастливилось оказаться здесь прежде... раньше... этой...

Магистр стеганул ненавидящим взглядом по саркофагу.

Черный Князь! Черный Князь! Черный Князь! – колокольным звоном гудело в голове. Черный Князь! И – ничего более. Ни о чем другом Всеволод думать сейчас попросту не мог.

– Но как?!

– Просто, – Бернгард невозмутимо пожал плечами, словно все и в самом деле было – проще некуда. – Тебе ведь известно, что граница миров здесь уже была прорвана.

– Была... – прохрипел Всеволод. – Давно. Века назад. Была прорвана и была сомкнута заново.

– Но – была прорвана. А замкнута – не сразу. Я прошел. Успел.

– Но ведь века назад!

– Для меня... для таких как я – время отсчитывается иначе, чем для людей. Для нас – века как года. Если, конечно, должным образом поддерживать себя.

– Чем? – на лбу Всеволода выступила испарина. – Как поддерживать?

Бернгард опять усмехнулся. Криво и неприятно.

– Питать себя живой кровью, разумеется.

– Ты пил людскую кровь?

– Немного, – кивнул магистр-князь. – По мере необходимости. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы не обессилеть.

Не обессилеть?! Ага! То-то на фоне прочих изможденных защитников Сторожи мастер Бернгард выглядит таким здоровяком.

– Одна жизнь в месяц – не так много, согласишься, русич.

Одна жизнь в месяц? Вот она, разгадка! Вот оно, объяснение тайны замкового упыря! Ну да... Сначала жертвами Бернгарда были окрестные селяне, потом, когда поселенцы ушли из комтурии, пришел черед гарнизона Серебряных Врат.

– Одна жизнь в месяц, – многозначительно повторил Бернгард. – Всего одна.

– В году – двенадцать месяцев, – угрюмо проговорил Всеволод. – В веке – сто лет. Сколько столетий прошло с тех пор, как ты вступил в этот мир?

Бернгард помрачнел:

– До начала Набега я старался по возможности забирать жизни никчемные и не нужные. Жизни, прекращения которых никто не заметит, жизни и о которых никто не станет горевать. Так удобно этому миру. Так выгодно мне. Мир ничего не теряет. Меня ни в чем не подозревают.

– Но ты...

Всеволод запнулся. Он никак не мог осмыслить услышанное. Невероятно! Тевтонский старец-воевода, отважный, неутомимый и несокрушимый мастер Бернгард, хранящий Закатную Сторожу от нечисти, сам на деле оказался Черным Князем... Опаснейшей из тварей Темного обиталища.

– Ты! Пил! Кровь! – отрывисто бросил ему в лицо Всеволод.

– Без этого мне нельзя, русич, – нет, Черный Князь вовсе не оправдывался. Он просто терпеливо объяснял установившийся порядок вещей. – Без этого я умру. А я переходил границу миров не для того, чтобы подышать от истощения в краю изобилия. Впрочем, дело не только в поддержании жизненных сил. Видишь ли, человеческая кровь не просто питает любого Властителя, переступившего черту, она еще и способна исцелять его от ран. От самых разных ран. От самых страшных. Благодаря ей можно даже вернуть себе отрубленную руку или ногу – точно так же, как ящерица отращивает оторванный хвост.

Ох, слышал бы все это сейчас бедняга Томас – однорукий кастелян Бернгарда!

– Кроме того, живая кровь этого мира защищает меня от губительного воздействия серебра и от солнечного света, – продолжал Бернгард.

– И, небось, помогает укрывать твою истинную сущность под обликом обычного человека?

– Ну... – магистр неопределенно пожал плечами. – Как видишь, люди пока ни о чем не догадываются.

– А собаки? – Всеволоду вдруг вспомнился огромный белый пес с шекелинской заставы – грозный Рамук, безошибочно распознавший темных тварей.

– Что? – Бернгард непонимающе поднял брови.

– Знаешь, я ведь только теперь понял: в твоей крепости нет ни одной собаки. Лошадей – полно, а собак – нет. Не от того ли, что они лучше, чем кто-либо в этом мире, чувствуют нечисть.

– Иную суть, – щека Бернгарда чуть дернулась, – я бы сказал так. Это во-первых. А во-вторых... Знаешь, ведь даже самым чутким псам непросто распознать Пьющего-Властвующего, прожившего в этом мире не один век и уже пропитавшегося воздухом этого мира.

– Или кровью этого мира? – с ненавистью бросил Всеволод.

Бернгард хмыкнул в ответ. Продолжил:

– А впрочем, ты прав, русич. Стоило соблюдать осторожность. А потому ни в замке, ни в ближайших окрестностях собаки как-то... м-м-м... не приживались. Дошли в общем собаки. При странных обстоятельствах.

– Как и люди.

До чего же все-таки мерзко! До чего отвратительно! И – страшно до чего! Черный Князь и тевтонский магистр с черным крестом на белом плаще, расчетливо и аккуратно сосущий человеческую кровь. Тайком. Из месяца в месяц. Из года в год. Из века в век. И, быть может, кровь дружинников, охранявших Эржебетт, тоже... Хотя, нет – Всеволод мысленно одернул

себя, – Бернгарда тогда не было в замке. Но в крепости, управляемой упыриным Князем, могут ведь таится и другие кровопийцы. Крово... Пийцы. Пьющие...

– Кровь... – бормотал Всеволод, качая головой. – Кровь...

– Да, кровь! – раздраженно выплюнул Бернгард. – Я – не лидерка. Я не умею брать чужие силы и поддерживать свои одними лишь любовными утехами, как эта...

Еще один ненавидящий (и... неужели завистливый?) взгляд магистра... темной твари в обличье тевтонского магистра вновь хлестнул по саркофагу.

На миг Бернгард отвел глаза от Всеволода.

Отвлекся.

И...

Всеволод воспользовался этим мгновением. Он атаковал так быстро и неожиданно, как только мог.

Только на внезапность была сейчас надежда.

Черный Князь, в каком бы облике он не представал – заклятый враг! Всегда! Везде! При любых обстоятельствах!

Глава 8

Стремительный прыжок через саркофаг. Через шипастую решетку из серебра и стали. Через осиновые тиски-колодки и бледное лицо Эржебетт над колодками, за решеткой.

Эржебетт тоже враг! Враг вдвойне, ведь любовный обман, взмешанный на чарах и волшбе – сродни предательству. Но пусть Черная Княгиня пока подождет. Черная Княгиня заточена в саркофаге. Черная княгиня – не страшна. Сейчас куда опаснее Черный Князь.

Признавшийся.

Открывшийся.

Отвлекшийся.

Две гудящие дуги в руках. Два меча с насечкой белого металла над головой Бернгарда. А мечи эти – в руках опытного обоерукого бойца. Лучшего воина русской Сторожи. Специально обученного бою с нечистой ратника, в жилах которого течет кровь Изначальных. В котором их сила и мощь.

Рубящие удары были нанесены в полете, когда Всеволод, перескочивший через саркофаг, еще не коснулся ногами каменных плит пола. Сокрушительные удары. Наискось. Справа. Слева. Один – выше, по голове, по верхней половине туловища. Другой – ниже, подсекающий. Живот, бедра, ноги...

Два смертоносных удара-ловушки, от которых не уйти, не увернуться, не уклониться. Никому.

Кроме Черного Князя.

Мечи Всеволода рассекли воздух. Задели край тевтонского плаща, вздвухнувшись от резкого движения Бернгарда, будто парус на ветру.

Треснула разрубленная ткань.

Но сам Бернгард увернулся. Отшатнувшись, изогнувшись. Просочившись между свистящими клинками. Неведомым, непостижимым образом. Со стремительностью, ловкостью и гибкостью, недоступными простому смертному.

Следующие два удара Всеволода магистр принял уже на свой меч, вырванный из ножен.

«Звякзь-з-з-зь! Звякзь-з-з-зь!»

И еще два. И снова.

«Звякзь-з-з-зь! Звякзь-з-з-зь!»

«Звякзь-з-з-зь! Звякзь-з-з-зь!»

Два меча бессильно отскакивали от одного, неизменно оказывавшегося на их пути. Один клинок успевал парировать и отбивать двойные выпады и финты, но сам при этом всерьез не разил. Пугал порой обманными движениями, имитировавшими атаку, и все же пока Бернгард лишь оборонялся. Пока Черный Князь не нападал по-настоящему.

Непробиваемая всеерная защита, которую Бернгард выстраивал легко и играючи, заранее предугадывая каждое движение противника, свидетельствовала о немалом мастерстве и воинском умении. О великом опыте свидетельствовала эта защита или о сверхъестественном боевом чутье, которое одно лишь и сможет заменить такой опыт.

Прав был старец Олекса, дававший Всеволоду урок безжалостной рубки перед Эрдейским походом. Трижды прав! Верно говорил, что Черный Князь четырех-пяти добрых бойцов в сече стоит. Да чего там пяти – такое ощущение будто с добрым десятком противников рубишься. Даром, что у тебя самого два меча в руках, а у врага – один только. Зато эвон как управляется Бернгард своим одним. Воздух гудит! И мелькающая сталь с серебром обращается в непреодолимую преграду.

Вот клинок тевтонского рыцаря... Нахтриттера... Рыцаря Ночи... Черного Князя... Шоломонара... мелькнул и отбил меч справа. А вот – встретил секущий удар Всеволода слева.

А вот – внизу просвистел, у самых колен. И захотел бы магистр-Князь – непременно скосил бы. А вот – и сверху, над головой, над самой макушкой. А вот – и сзади. Только успевай поворачиваться. Вертись. Крутись...

Всеволод вертелся. Крутился. Наседал на Бернгарда как мог, как умел, как был обучен. Бил, рубил, колот. Быстро, не жалея сил. Не думая о накатывающейся усталости. О растекающейся по рукам и ногам свинцовой тяжести.

Мудрый старец-воевода из родной Сторожи предупреждал еще и о том, что такого противника следует одолевать сразу, первым же натиском. На измор потому как такого не возьмешь. Сам измотаешься, а тварь Темного обиталища – не утомишь. Особенно если тварь эта – Черный Князь.

Нападать на такого надо с первых же секунд и быстро-быстро разить с обеих рук, без усталости, покуда сил достанет.

Всеволод нападал. Разил. И – не попадал. И – не поражал. Бернгард уходил от его ударов. А когда не уходил, то отражал. А уж как отражал! Не всякий на ногах устоит после такого отшиба.

Всеволод пока держался, только порой отшагивал поневоле. На пол шага, на шаг. А то и дальше отлетал вслед за отбитым мечом. Не отпуская, впрочем, рвущейся из пальцев рукояти: старец Олекса учил, что терять оружие в бою с нечистью – вовсе уж последнее дело.

Выбрав момент, Всеволод рубанул двумя мечами одновременно, что было сил. Ну, нельзя же, в самом деле, выдержать такое?

Оказалось – можно: добрая немецкая сталь, подставленная под его клинки, отразила и этот сокрушительный двойной удар. Снова отбросила Всеволода. Как мальчишку, с которым на ристалище потехи ради забавляется опытный ратник-ветеран.

В спину уткнулось что-то тупое и твердое. Саркофаг! Ну что ж, хоть тыл будет прикрыт от стремительных серебристых высверков и стальных вызвонов Бернгардова меча. А впрочем, к чему? Зачем? Однажды в учебном бою на Стороже могучий дуб тоже прикрывал Всеволоду спину, а старец-воевода отучал полагаться на что-либо, кроме собственных мечей. Велел не влипать спиной в дерево или камень, а постоянно нападать самому. Нападать, нападать, нападать...

И то ведь верно! В каменном гробу – Эржебетт лежит и кто знает, что на уме у Черной Княгини. Хоть и стиснута она осиной, хоть и обездвижена полностью, но не уютно все же сражаться, когда сзади еще одна темная тварь.

Оттолкнувшись спиной от саркофага, Всеволод снова ринулся на противника. И снова не достиг цели.

Только непрекращающийся звон стали о сталь. И резкая боль в кистях.

И – ничего больше.

Что еще советовал ему Олекса? Каков был главный урок последнего учебного боя? А урок не хитрый. И запомнить его не трудно: не дай темной твари до себя дотянуться. Не дай добраться. Иначе – конец.

Меч Бернгарда, правда, еще не коснулся Всеволода ни разу. Но была ли в том заслуга обоерукого воина, не умевшего пробить двумя клинками защиту одного? Вряд ли. Бернгард просто не хочет его смерти. Он даже поранить всерьез его не пытается. И словно говорит об этом без слов. Всем этим боем говорит.

Ладно, пусть так.

Учетом.

Используем.

И раз уж такое дело... Всеволод атаковал опять – яростно, ничуть более не заботясь о защите. Только бы достать тварь!

Достать бы! Только!

Вышло не так. Иначе все вышло. Случайно и непредсказуемо. Нелепо. Ох, и подшутила же над ними обоими насмешница-судьба в этом неправильном поединке, где с самого начала все шло наперекосяк, не так как надо, не так, как привычно.

Нет, не он в итоге достал Бернгарда.

Бернгард достал его, вовсе того не желая. Но – оплошав. Не в защите и не в нападении: тут у Князя-магистра все было идеально. Однако, отводя молниеносным и сильным, скользким – от головы к колену – двойным контрударом почти одновременные, почти неотразимые выпады Всеволодовых клинков (один меч упал сверху, другой – взметнулся снизу) магистр не уберег противника. То ли не сумел, то ли не успел за свергающей сталью заметить выставленную вперед ногу Всеволода.

А, может, и сумел, может, и успел, но попросту не смог вовремя остановить свой меч, инстинктивно брошенного навстречу мечу чужому. Отбить-то от себя шедший снизу клинок он изловчился, а вот не задеть при этом Всеволода...

В этот раз не получилось.

Полоснул-таки его Бернгард. Самую малость. Самым кончиком длинного рыцарского меча.

Оцарапал правую ногу между наколенником и поножем. В иной схватке так точно и захочешь – не попадешь. Будто специально целил! Хотя не специально, конечно, же. Рана – смешная, несерьезная. Никакого урона, никакого стеснения движений. Так, срезали слегка кожу. И боли нет – скорее уж, досада.

Но брызнувшие алые капли все же изрядно подкрасили заточенную сталь поверх серебряной насечки. Потекли, оставляя влажные дорожки, по лезвию.

Бернгард отшатнулся. Отшагнул, нет – отпрыгнул – назад отдергивая оружие в сторону. Крикнул испуганно, будто самому только что полноги оттяпали:

– Перевяжись, русич! Останови кровь! Немедленно!

Ага... Сейчас! Разбежался!

– Сама... – процедил Всеволод сквозь зубы, – Сама остановиться.

Подумал про себя – зло и насмешливо: «Эвон, как мы Изначальную кровушку бережем! Не желаем понапрасну проливать ни капли».

Да только тут злорадствуй – не злорадствуй, но ясно уже, как Божий день: одному ему с магистром не справиться.

Взгляд Всеволода метнулся к двери. Дверь – заперта. На засове. Эх, подмогу бы сюда! Но ожидавшие его за общим склепом дружинники понятия не имеют о том, что здесь творится. И едва ли что слышат. Всеволод прикинул размеры подземной усыпальницы, еще раз покосился на дверь между склепами. М-да, крепкая дубовая дверь сидит в косяках плотно – как пробка в бочке. Нет, точно не слышат верные дружинники ни криков, ни звона мечей. Эх, как бы извернуться? Исхитриться как, да позвать их на помощь?

Всеволод оставил безуспешные попытки одолеть неуязвимого противника. Опустил мечи. Дыхание было тяжким и хриплым. Измотал-таки его Князь-магистр.

– Ну что, утихомирился? – спокойно, участливо даже спросил Бернгард. В отличие от Всеволода, сам он, похоже, ничуть не запыхался. – Остыл? Или еще поплясать желаешь? Если желаешь – так давай продолжим. Только ты бы сначала затянул бы рану тряпицей. Чего крови зря сочиться?

Всеволод досадливо мотнул головой. Кровь, стекающая в сапог, уже начинала густеть – скоро вовсе остановится. Рана не болела, ходить не мешала, так что не о чем тут беспокоится.

– И вот еще о чем не забывай, русич. Там... – окровавленное острие Бернгардова меча указало куда-то в потолок, – наверху вот-вот начнется штурм. Если еще не начался... Защищать замок я поручил Конраду. Он хороший воин и толковый военачальник, но я не знаю, как

долго Конрад сможет продержаться против армии Властителя. Это я к тому, что времени у нас с тобой – в обрез. Ну, так что? Говорить будем или тупить серебрянную сталь.

– Говорить, – зло выплюнул Всеволод, не сводя глаз с Черного Князя. И с запертой двери за его спиной. – Ты – один?

– Один – что?

– Переступил границу. Когда случился первый Набег.

– Не один – ты же знаешь. В том Набеге участвовало много оборотаев и Пьющих. Но всех их... ну, или почти всех быстро извели. Кого-то люди, кого-то солнце.

– Не то, – раздраженно дернул плечом Всеволод. – Я не о том спрашиваю. Из Черных Князей ты один успел перейти рудную черту? Или были еще такие, как ты?

– Были, – кивнул Бернгард. – Были еще. Но Пьющих-Властвующих в этом мире совсем немного. Мы разошлись по разным сторонам. Вашей кровью мы не злоупотребляем, довольствуясь малым, и друг другу пока не мешаем.

– Что ты делаешь здесь, в эрдейских землях? – спросил Всеволод. – Зачем вернулся к Проклятому Проходу, из которого вышел? Зачем занял Серебряные Врата? Зачем вообще тебе эта Сторожа?

Бернгард пожал плечами.

– Сторожа – чтобы нести стражу. Стоять в дозоре. Хранить границу миров.

Бред! Полный бред! Полнейший!

– Черный Князь стережет рудную черту? От кого?

Всеволод ловил, впитывал и запоминал каждое слово магистра, но не расслаблялся ни на миг. Нельзя было потому что. Сейчас – нельзя. Он уже продумал свой следующий ход. И он осуществит задуманное, что бы там ни говорил Бернгард. Всеволод просто пользовался передышкой. Восстанавливал дыхание и усыплял бдительность врага, неторопливо погружая в ножны клинок. Один из двух. Второй – по-прежнему держал наголо. Для задуманного одного будет вполне достаточно.

– От кого ты ее стережешь, Бернгард?

– От прочих Пьющих-Властвующих, – ничуть не смутившись, ответил магистр. – И вообще – от новых Набегов. Ваш мир слишком хорош, чтобы впускать в него обитателей нашего.

– Ну да, конечно! – фыркнул Всеволод. – Хорош, удобен и сытен для того, кто проник сюда первым. Людское обиталище дает тебе теплую кровь и вольготную жизнь. А ты попросту не хочешь пускать к кровавому пирогу тех, кому повезло меньше, кто не успел, кто остался по ту сторону Рудной черты. Так?

– Так тоже можно сказать, – не сразу, но все же признал Бернгард. – А можно сказать и иначе. Зачем пускать под нож все стадо, которое выгоднее оберегать и брать из него по чуть-чуть. По мере необходимости. И жить в нем, и жить с ним в мире. Долго, очень долго жить. Поверь, русич, я не менее вас, людей, заинтересован в том, чтобы Набеги не повторялись. Это – разумно... В этом польза и для меня и для стада.

Разумно?! Польза?! Для стада?! О, с каким бы наслаждением Всеволод располовинил бы эту циничную нелюдь надвое. А после – разрубил бы на четыре части. А затем и вовсе искрошил бы в капусту! Но в одиночку не выйдет. Значит, следует поступить иначе.

Глава 9

Он сорвался с места так же внезапно, как и в прошлый раз. И мечом взмахнул так же сильно. Даже еще сильнее, ведь теперь на одной рукояти лежали обе руки.

Всеволод рубанул мечом как секирой. Просто, тупо и бесхитростно. Сверху – вниз. Конечно, Бернгард был начеку. Конечно, Черный Князь успел отпрянуть в сторону. Конечно, столь неразумно-сокрушительный удар не стал парировать даже он. И, конечно же, Бернгард не воспользовался уймой возможностей напороть Всеволода на свой клинок.

И все прошло так, как было просчитано.

Вовсе не Бернгарду предназначался этот богатырский размах с плеча. Не на него вовсе обрушивал свой меч Всеволод. Видимость была такова, что на него, на самом же деле...

Шаг, другой, еще один – по инерции. Злой посвист разрубаемого серебрянной сталью воздуха. И...

Тр-р-р...

Хр-р-р...

...-реск.

...-руст.

Внутренний дверной засов – деревянный брусоч, вовсе не хлипкий, но ведь и не стальной все же, разлетелся, развалился...

Бах! Тяжелый сапог впечатался в толстые доски. Всеволод пинком распахнул дверь, разделявшую два склепа. Ввалился в узкий низкий проем.

Несколько прыжков вперед. И на ходу, не теряя ни секунды...

– Фе-е-едор! Илья-а-а!..

... крикнул в голос, в темноту длинной подземной галереи, уставленной десятками каменных гробов. Где-то далеко впереди – в противоположном конце усыпальницы едва угадывалась размытая красноватая черта. Факельный свет, слабо сочившийся из-за побитой взрывом двери – прикрытой, но не запертой.

Дружинники были здесь!

– Дмитрий! Лука! Иван!..

Всеволод звал верных десятников, что ожидали воеводу у входа в общий склеп.

– Ко мне! Все ко мне!

И – вновь повернулся к Бернгарду.

Тот стоял в дверном проеме. Темный силуэт, освещаемый сзади пламенем факела, всаженого в шипастую решетку. Черный Князь неодобрительно покачивал головой и поводил клинком из стороны в сторону. Словно перечеркивал что-то. А за спиной Всеволода уже грохотали сапоги и звенел металл. За спиной метались огненные блики. К Всеволоду спешила подмога.

– Напрасно ты так, русич, – с сожалением вздохнул магистр. – Мне казалось, мы сможем договориться сами, с глазу на глаз. Ведь наша беседа еще не окончена. Мы не все еще с тобой обсудили.

Разве? Всеволод считал иначе. Он уже вытащил из ножен второй меч. Засов-то срублен, а с двумя клинками обоерукому драться все же привычнее, чем с одним. А новой драки с нечистью в тевтонском плаще не избежать. Как без этого теперь? Теперь уж – никак.

Впрочем, на этот раз Всеволод старался быть благоразумным. Сам не атаковал. Наоборот – медленно отходил назад по широкому проходу между саркофагов. Тянул время, ждал дружинников. Но при этом готов был вступить в бой в любую секунду. Однако Князь-магистр нападать пока тоже не спешил.

Внимание пятившегося Всеволода, привлекла сдвинутая крышка одной из гробниц. Даже в скудном свете загороженного Бернгардом факела, даже без помощи ночного зрения видно было: тяжелая деревянная крышка вышла из глубоких пазов. Крышка лежит наискось, так, что можно схватить за край, приподнять, открыть... А ведь прежде, когда Всеволод проходил по замковой усыпальнице, ничего подобного он не замечал. Да, он точно помнил: все крышки были забиты плотно и закрывали нутро тесанных из камня домовин надежно – не подлезть. А на пустующих гробницах их и вовсе не было. Эта же...

Так, может быть, ее открыли изнутри? И, быть может, это и не гробница вовсе? А что, если...

Зародившуюся смутную еще догадку Всеволод не удержался – проверил-таки. Не отводя глаз от Бернгарда, подцепил крышку острием меча. Ковырнул. Поднял.

Мельком глянул внутрь.

Ага... Ничего. И никого в этом саркофаге. Ни покойника, ни даже дна нет. Вернее, дном его являлась массивная, но подвижная каменная плита – в данный момент приподнятая и сдвинутая потаенным механизмом в сторону. Получалось не дно, а что-то вроде второй крышки.

Из распахнутого темного зева торчал край мощной пружины. Рядом – рычаги, переплетенные друг с другом толстые ремни и распорки, что снизу удерживают немалую тяжесть на весу. Как приоткрытую дверь. Или, уж скорее, люк. И ведь не очень глубоко. Через край саркофага, пожалуй, и дотянуться до того механизма можно. Не рукой – так мечом.

А там, ниже, под плитой, под ворочающей ее тайной машиной...

Ход? Лаз?

Небольшая лестница в несколько ступенек. А что дальше – Бог весть. Может, ход уводит во внутреннюю цитадель, может, на крепостной двор, а может, и вовсе за внешние стены, а то – и за замковую гору.

Ну что ж, по крайней мере, выяснилось, каким образом Бернгард объявился в склепе, не встретившись с ратниками у входа. Видать, весь тевтонский замок пронизан потаенными ходами, о которых не подозревает даже однорукий кастелян. И ведь до чего хитро придумано! Кому придет в голову, что под закрытым саркофагом покоятся не останки доблестного орденского брата, павшего в боях с нечистью, а спрятан потаенный лаз. Ну, даже если и придет... Весь механизм, ворочающий многопудовый каменный люк, укрыт под плитой, внизу. А как опустится плита, да как ляжет на место – ничего, кроме махонькой щелочки, куда и кинжального острия не просунуть, не останется. По всему видать, снизу только эта дверца и открывается. А сверху, снаружи, из склепа – никак. Потому-то, небось, и оставил ее магистр приподнятой – чтобы ускользнуть, ежели что. Так же быстро, тихо и незаметно, как он сюда и проник.

Да, умен и хитер Бернгард. С таким нужно держать ухо востро. Даже сейчас. А то, вон, уже подбегают кликнутые Всеволодом бойцы, а Черный Князь в тевтонском одеянии отчего-то спокоен и невозмутим, словно и не тревожится ничуть.

А ну как, в самом деле, не тревожится? А ну как предусмотрел Бернгард все заранее и обезопасил себя? А ну как в тайном ходе под саркофагом ждут его зова верные подельники? Преданные рыцари. Или нечисть какая-нибудь... Другие – неведомые еще Всеволоду замковые упыри...

Что ж, пусть ждут.

Всеволод оскалился. Нет, мастер Бернгард, нет, тварь поганая, не надейся на помощь. И сам ускользнуть не рассчитывай.

Резко перегнувшись через край открытого саркофага, Всеволод что было сил, обрушил меч вниз. Молниеносный и страшный рубящий удар, каким проламывают и шлемы, и черепа, пришелся по механизму, расположенному под приподнятой плитой-люком.

Клинок достал пружину, выбил подпорку. Закаленная сталь в серебряной насечке рассекла что-то еще – сухое деревянное. И упругое кожаное. Податливое.

Звон и треск. Грохот упавшей каменной глыбы. Стук захлопнувшегося люка. Облачко пыли в пустом саркофаге.

Есть! Получилось!

Путь, которым проник сюда Бернгард, теперь отрезан. Тайный ход – захлопнут и запечатан намертво. И не подцепить уже с этой стороны тяжелую плиту, не поднять ничем. Теперь выход из склепа только один – через длинную галерею между гробницами, по которой спешат к Всеволоду его спутники. И кто отсюда выйдет живым – большой вопрос.

Что? Не ждал такого поворота, Бернгард?

– Напрасно! Ох, напрасно, русич...

В голосе Черного Князя слышалось недовольство, переходящее в угрозу. А вот страха по-прежнему не было.

Всеволод отступил еще чуть дальше. И еще чуть. Не нужно сейчас переть на рожон. Сейчас нужно дожидаться своих ратников и навалиться сообща. Всеволод настороженно следил за противником. И гадал, захочет ли Черный Князь, прикрывающийся тевтонским плащом, теперь, когда все... когда много чего открылось, убивать носителя сильной крови? Станет ли понапрасну проливать драгоценную кровушку Изначальных на плиты усыпальницы? Или повременит?

Секунды летят. Время, когда еще можно настичь и сокрушить противника в скоротечном бою один на один – уходит.

Но магистр все не нападает. Не идет за отступающим Всеволодом, не преследует.

Бернгард не спешит. Только головой качает. И обнаженный клинок в руке тоже: туда-сюда.

Призванные десятники – уже совсем близко. Топот, звон. И факельный свет, разгоняющий тьму склепа...

– В чем дело, воевода?! – это пробасил над ухом подоспевший первым Федор.

– Мастер Бернгард?! Что случилось?! – а это через плечо Всеволода кричит своему магистру однорукий Томас.

Кричит, лезет вперед.

Всеволод не мешает – пропускает.

Ну, конечно... Вместе с русскими дружинниками прибежали и прочие. Все, кто ждал у входа в склеп. Тевтонский кастелян. И шекелисы – Золтан с Радуге тоже здесь. И татарский юзбаши Сагаадай. И волох Бранко с факелом. Да, все в сборе... Толпятся между саркофагами. Не понимают ничего. Таращат глаза.

– Мастер Бернгард, как вы здесь оказались?!

Бернгард молчит. Бернгард даже не взглянул на кастеляна, Бернгард сверлит глазами Всеволода. Томас же, очутившись между воеводой союзников и орденским магистром, растерянно вертит головой, смотрит то на одного, то на другого. На обнаженные мечи в руках одного и другого. Бледнеет. Тянет из ножен свой клинок. Поворачивает к Всеволоду искаженное лицо.

– Русич! Ты посмел поднять руку на магистра?!

– В самом деле... – озадаченно шепчет Федор. – Ты в своем уме, Всеволод? Это ж их старец-воевода. Убрал бы мечи от греха подальше, а?

– Это Черный Князь!

Голос Всеволода звучит глухо и жестко. Таким голосом отдают приказы в лютой сече. Приказы, которым принято подчиняться, не обсуждая. Но сейчас...

Сейчас не сеча. Сейчас просто двое стоят друг против друга с мечами наголо. И ждут. Чего-то. И даже верный десятник Федор сейчас сомневается. И своим сомнением выражает общее настроение.

– Ты чего говоришь такое, воевода? Тебе что, девчонка твоя рыжая вконец голову заморочила?

Надо ответить. И Всеволод отвечает:

– Нет, Федор. У Эржебетт нет больше власти надо мной. Я ее нашел, и она тоже умрет. Но только после Бернгарда. Первым будет он.

– Погодь-погодь, воевода! – Всеволод чувствует руку Федора на своем плече. Пальцы десятника крепко вцепились в наплечник. – Может, ошибка какая?

– Это Черный Князь, – повторил Всеволод. – Князь! Черный! Никакой ошибки нет.

А вот таким голосом говорят люди, полностью уверенные в своей правоте. Таким голосом заставляют верить других.

Федор поверил. Убрал руку с плеча воеводы. Положил на меч. Прочие десятники тоже потянули из ножен серебрянную сталь. Русичи привычно становились за спиной Всеволода. Строились для боя. Будут! Теперь его дружинники будут драться, отложив все расспросы на потом.

Остальные же...

Всеволод окинул остальных быстрым взглядом.

Шекелисам, пожалуй, можно доверять. Татарскому юзбаши – тоже. А вот тевтонскому кастеляну и волоху...

– Золтан, Раду, возьмите на себя Томаса, – распорядился Всеволод. – В сторонку оттесните, чтоб не мешал.

Двух угорских бойцов должно хватить, чтоб придержать однорукого кастеляна.

– Сагаадай, присмотри за Бранко.

Юзбаши, даст Бог, справится с волохом, если возникнет такая необходимость.

– Вы... – Всеволод кивнул своим проверенным десятникам, – все – за мной! Федор, Илья – прикроете справа, Дмитрий, Лука – слева. Иван, держись сзади. Поможешь кому и когда понадобится. Только прикрывать меня, ясно?! Сами вперед не лезьте и под меч Бернгарду не суйтесь. Это опасный боец.

Глава 10

Секунду, две или три они так и стояли. Неподвижный Бернгард в дверном проеме. Прижавшийся спиной к ближайшему саркофагу однорукий Томас – ошарашенный неожиданным развитием событий, но явно не собиравшийся подчиняться без боя. Шекелисы, подступившие к кастеляну с двух сторон. Сбившиеся в кучку русичи. Чуть поодаль – Бранко с факелом в одной руке, с саблей – в другой. Возле – Сагаадай, преграждавший волоху дорогу.

Секунду, две или три они выжидали, как водится перед серьезной битвой, когда враги стоят лицом к лицу, когда нельзя уже атаковать неожиданно, когда в последний раз изучаешь противника, прежде чем пустить ему кровь.

По количеству воинов и мечей несомненное преимущество было на стороне Всеволода. Но численное превосходство сейчас не являлось решающим и перевес был не столь очевиден. Всеволод уже прочувствовал, на что способен Черный Князь в бою. И ведь в том бою Бернгард только оборонялся, не стремясь нанести смертельного удара. А как будет теперь?

Время вдруг замедлило бег. Мгновения текли бесконечно долго. Воины в серебрённых доспехах стояли между каменных гробов. И – тишина. Лишь тяжелое дыхание. И треск факелов.

И – колышущиеся тени по стенам.

Они смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

Быть может, все четыре.

Или пять.

А после Бернгард вдруг бросил меч в ножны.

И...

– Ладно, – вновь заговорил магистр, обращаясь к одному лишь Всеволоду. – Раз уж ты, русич, призвал свою подмогу, то позволь и мне тоже призвать свою.

И...

Князь-магистр шагнул в общий склеп.

И...

Воздел к сводчатому потолку обе руки. В которых уже не было оружия. Но растопыренные пальцы его боевых перчаток скрючились, будто силясь удержать что-то, более важное и более страшное, чем просто оружие. Удержать или наоборот – открыть, выпустить. Впустить?

И...

– Ко мне! Все – ко мне! – под сводами склепа прозвучал тот же призыв, которым Всеволод скликал своих дружинников.

Тот, да не тот...

– Пришла пора просыпаться! – громогласно провозгласил Бернгард. – Пора выходить! Ко мне, мои верные рыцари! Все – ко мне!

Гулкое эхо заметалось по склепу, не находя выхода. Казалось, от зова Бернгарда дрогнуло даже факельное пламя.

В первый миг Всеволод не понял, кого именно призывает Черный Князь нелюдского обиталища. Кого вообще можно звать на помощь в этом скорбном месте? Но уже в следующее мгновение...

Скрежетнуло справа.

Звякнуло слева.

Стукнуло сзади.

Скользнула вниз и упала с саркофага первая крышка, выбитая из глубоких пазов. Снизу выбитая, из закрытого каменного гроба.

В котором...

Нет, здесь не было еще одного потаенного хода. Здесь было только то, чему надлежало быть. Кому надлежало... лежать. Покойник. Орденский брат, павший в бою с нечистью и погребенный в замковом склепе. Облаченный в латы мертвый тевтонский рыцарь.

Который, однако, сейчас казался слишком живым для обычного мертвеца.

Всеволод не поверил собственным глазам, когда во вскрывшемся саркофаге обозначилось движение. Шевельнулся белый плащ. И черный крест на белом. Блеснула в неровных отсветах посеребрённый доспех.

Может, обман? Морок? Игра теней и всполошного света факелов? Но нет, тени и свет морочат голову бесшумно. И им нипочем не сдвинуть массивные дощатые надгробия.

А тут...

Тяжелые деревянные крышки с грохотом падали на каменные плиты. Возня, шорох, шелест плащей и негромкое позвякивание доспехов доносились отовсюду, из каждой... почти из каждой гробницы. Из каждой закрытой...

И открывающейся теперь изнутри.

Мертвецы, заключенные в саркофагах, словно разминались, прежде чем...

Выходили! Они выходили!

Над зияющими нишами саркофагов, неторопливо поднимались человеческие силуэты. Ведрообразные шлемы, ниспадающие тяжелыми складками слежавшиеся плащи, отсверкивающие белым металлом доспехи.

Нежить... нелюдь... нечисть... В серебре!

Невероятно! Немыслимо! Невозможно! Ан, нет... выходит, что возможно. Еще как... Ну да, раз уж Черный Князь свободно разгуливает в белом металле, почему бы и поднятым им мертвецам тоже... не...

Голова шла кругом! Сердце билось как у загнанной лошади.

А мертвые, опустошенные, испытые упырями рыцари уже стояли в своих гробницах в полный рост. Ждали...

Лица прикрыты – и, пожалуй, что это к лучшему! – глухими шлемами с узкими смотровыми прорезями и частой сыпью дыхательных (интересно, нужно ли этим покойникам дышать? Сейчас? А, впрочем, нет, не интересно. Совсем! Ничуть!) отверстий. На заштопанных плащах, на чиненных доспехах... и под плащами и под доспехами не видно следов клыков и когтей. Не удивительно: все раны перед погребением, наверняка, были защиты и, по возможности, – закрыты. И это тоже – к лучшему. Так можно убедить себя, что это в темных нишах открытых гробниц зачем-то выстроились двумя рядами обычные люди. Можно попытаться. Убедить. Себя.

С обычными людьми все же легче сражаться. Чем с этими. С ЭТИМ. С поднятыми Бернгардом мертвецами.

Пальцы неживых рыцарей сжимали рукояти мечей, секир, булав и шестоперов. Как покоились орденские братья с оружием, так и восстают теперь с ним же. И что-то подсказывало Всеволоду: оружие это они держат не для красоты.

Вот значит, какие помощнички у Черного Князя! Вот где они ждали и откуда явились! А запертый потаенный ход тут не при чем.

– Господь Всемогуший! – прохрипел побледневший Федор.

– Иезус Мария! – простонал Томас.

Однорукий кастелян попытался сотворить крестное знамение на свой латинянский манер. Не смог. Меч в руке помешал. С обнаженным клинком креститься неудобно. А убирать оружие в ножны Томас не решился. Как, впрочем, и все остальные.

Что-то невнятное бормотал под нос Сагаадай. Молитва степняцким богам? Языческое камлание?

Всеволод тоже был в шоке. Но – не в паническом ступоре. Такой шок не мешал думать быстро и так же быстро принимать решения. Такой шок, наоборот, подстегивал мысль, речь, действие.

– В круг! – осипшим голосом приказал Всеволод.

Сейчас он обращался не только к своим дружинникам. Ко всем, кто не хотел умереть сразу.

Ошеломленные десятники русской дружины, оба шекелиса и Сагаадай образовали в проходе между саркофагами... нет, не круг – подобие овала, щетинившегося серебрёной сталью по флангам. Вправо и влево. Туда, где стояли мертвецы.

Серебрённой сталью... Но способен ли белый металл причинить вред ТАКОЙ нежити? Такой, что сама закована в посеребрённые доспехи?

Этого Всеволод не знал. Этого пока не знал никто. Возможно, потому из надежного оборонительного кругового построения и вышел никчемный, сплюснутый овал. Каждый сейчас подсознательно старался держаться подальше от поднявшихся покойников.

Но овал плохо подходит для боя.

– Кр-р-руг! – прорычал Всеволод.

На этот раз ему повиновались. Даже Томас и Бранко вступили в округляющийся овал. И тот, наконец, стал кругом, почти коснувшись ближайших гробниц. До стоявших в них мертвецов – рукой подать... мечом достать... Впрочем, и мертвые рыцари также легко дотянутся до живых ратников. Как начнется рубка – так и дотянутся.

Сколько их здесь, тевтонов, поднявшихся из каменных домовин? Сотня? Полторы? Да, пожалуй. Около того. Не меньше. А то и побольше будет. И предводительствует мертвецами не кто-нибудь – Черный Князь. Так что исход боя предreshен. Из склепа не вырваться. А в склепе – не победить. Оставалось лишь подороже продать свои жизни. Отнимая жизни – вот ведь жуткая нелепость какая! – у мертвых уже противников.

Мертвецы, правда, не нападали. Бернгард не отдавал пока такого приказа. Восставшие из гробниц рыцари замерли, подобно изваяниям. Подобно каменным надгробиям. Памятникам самим себе... Неживые воины Черного Князя стояли истуканами – молча и недвижимо – вдоль всего прохода. Двумя шеренгами. Или... Почетным караулом?

Чего ждал сейчас Пьющий-Властвующий, до сегодняшнего дня прикрывавший свою истинную суть тевтонским плащом? Чего ждали мертвые орденские братья... бывшие орденские братья, ныне вступившие в совсем иное братство?

Братство разупокоенных умрунов. «Да именно так! Умруны! Умруны! Умруны!» – колотилось в голове. А как еще их называть?

Всеволод вдруг догадался о причине заминки. По крайней мере, нашел ей правдоподобное объяснение. Им предлагали сделать выбор. Самим. Простенький такой выбор: либо погибнуть на месте, либо по доброй воле вступить в войско Черного Князя, чтобы биться бок о бок с его тварями против других тварей. Не за свой мир биться – за интересы Князя-магистра, не желающего делиться теплой живой кровью с себе подобными. Хотя, порой, интересы людского обиталища и нечисти из-за рудной черты могут и совпадать.

Вот только совпадут ли они когда-нибудь полностью? Интересы человеческие и интересы упыриного Властителя, питающегося людской кровью?

Всеволод искал верное решение. Сердце колотилось в груди. В голове лихорадочно билась мысль.

Драться – бессмысленно и это яснее ясного. Теперь несомненный перевес на стороне Бернгарда. Причем, самому ему уже даже не понадобится махать мечом. Достаточно мановения руки, краткого приказа – и две шеренги мертвецов ступят с постаментов-саркофагов, сойдутся, сомкнутся, задавят... раздавят тех, кто окажется посередине. Мертвецы раздавят живых. Если надо – убьют. Надо – обезоружат.

И что им сделаешь? Мертвым уже? И как с ними со всеми совладаешь?

Глава 11

Всеволод затравлено покосился вправо, влево... Стоп! Что это? Кто это? Рыцарь в саркофаге слева.

Доспех мертвого тевтона показался Всеволоду знакомым. Ага... Чиненная на груди кольчуга, кое-как перехваченная проволокой. Срезанный кусок плаща. Изрядный такой кусочек. В правой руке – меч, зато левая... М-да, левая латная перчатка... вернее, внутренняя ее сторона, где нет металла, а только кожа – рассечена. И ладонь под нею, видать, тоже. Всеволод заметил грубые стежки суровой нити, выпирающей из-под взрезанной боевой рукавицы. Видимо, рану зашивали наспех, не особо заботясь о красоте и удобстве.

Так-так-так... А уж не его ли меч взрезал эту перчатку и эту ладонь? А не тот ли это рыцарь, который стучался в дверь Эржебетт и отводил рукой клинок Всеволода? По всему выходило, что тот. Правда, он сбежал тогда обезоруженным. А этот – при мече. Что, впрочем, ничего не значит. У тевтонского магистра, наверняка, была уйма возможностей вложить в руку мертвеца новое оружие. Бернгард, судя по всему, частенько бывал в склепе. И явно не для того, чтобы уронить скупую слезу над павшими соратниками.

Черный Князь перехватил взгляд Всеволода. Верно истолковал выражение на его лице. Спросил – не враждебно вовсе, а участливо, и дружелюбно:

– Что, узнал, русич? Да-да, ты не ошибся. Твой старый знакомый. Это брат Арнольд, если тебе интересует его имя...

– Арнольд! – выдохнул Томас. – Он погиб месяц назад на западной стене. Нахтцереры разворотили ему грудь и испили досуха...

Бернгард продолжал объяснение, не обратив внимания на сорвавшуюся с уст кастеляна реплику:

– Я велел брату Арнольду, захватить Эржебетт. Тихо, не поднимая шума и не оставляя следов. Увы, не вышло. Стол, которым ты так некстати подпер сундук, прикрывавший тайный ход в гостевую комнату, стоял слишком прочно. А на ваш условный стук Эржебетт дверь не открыла.

«Не услышала моего голоса – вот и не открыла», – подумал Всеволод.

– Потом заявился ты, русич. Набросился с мечом на беднягу Арнольда. А ему было запрещено проливать кровь Эржебетт и твою кровь. К счастью, Арнольду удалось скрыться.

«К счастью для кого?»

– Он воспользовался еще одним из моих ходов, о которых не знает даже наш многомудрый кастелян, и благополучно вернулся сюда, на свое жесткое, но уютное ложе.

«Вот почему не удалось найти тевтона с пятнами от раствора адского камня на левой длани!»

А не там искали. Не среди живых следовало его разыскивать, а среди мертвых. Здесь вот, в склепе. Еще бы узнать, зачем мертвец Бернгарда таскал в своей перчатке жидкое серебро? А впрочем, какая разница? Сейчас-то! Сейчас о другом следовало подумать. Всеволод скользил настороженным взглядом по строю умрунов, закованных в сталь с серебром.

– Да ты не пугайся, русич, – отчего-то Бернгард вновь обращался только к нему.

Как-то уж так вышло, что все остальные ратники, будто по команде чуть отступили назад. Не из трусости, нет, просто не желая мешать разговору двоих, не желая ввязываться в пугающую беседу и, быть может, даже не желая слушать. Но слушать ЭТО приходилось всем.

– Сам не бойся и успокой своих воинов. Павшие рыцари подняты не для того, чтобы причинять вред живым.

«В самом деле?»

– А для чего же? – с усилием выдавил Всеволод. Черный Князь говорил с ним и ему следовало достойно вести этот нелегкий диалог. Через силу, через растущий ужас. На выказывая слабости, не открывая рвущегося наружу страха. – Для чего ты потревожил их покой, Бернгард?

Загадочная улыбка в ответ. И лишь потом – слова:

– Они нужны. Они полезны. Они более не подвластны смерти, ибо уже переступили через нее. А потому они – лучшие воины этой Сторожи. И они всецело послушны моей воле...

– Зачем они тебе? – перебил Всеволод.

– Без них нам придется трудно.

– Нам?

Разве это уже решено?

– Без них не остановить Властителя... Нахтриттера... Черного Князя... Шоломонара, перешедшего этой ночью границу миров.

Кто-то охнул за спиной Всеволода. Да, для кого-то это было неприятным открытием.

– Кто они? – помедлив немного, спросил Всеволод.

– Они – моя новая дружина, мои серебряные рыцари, которым я доверяю всецело и на которых полагаюсь во всем.

– Серебряные рыцари?

Звучит красиво, но не совсем понятно.

– Они – мой новый, личный орден.

Орден умрунов... Всеволод непроизвольно поморщился.

– Они те, кто не страшится умереть. Кто не боится ни мечей, ни клыков, ни когтей. Кто готов по моему слову сражаться с людьми и кто встанет поперек горла и Пьющим, и оборотаям. Кто не падет от солнца и не ослабеет от осины.

Бернгард скосил глаза на клинки Всеволода:

– Серебро им, кстати, тоже не опасно. Вам лучше убрать мечи.

Всеволод совету Князя-магистра не внял. Вкладывать клинки в ножны он пока не собирался.

– Как ты смог? Бернгард? Как тебе удалось? Их? Так?

– Что ж, – магистр вздохнул. – Объяснять это мне все равно бы пришлось. Правда, я планировал сделать это не сейчас и при иных обстоятельствах. Ну, да ладно. Мои серебряные рыцари появились примерно так же, как появляются Пьющие-Исполняющие. Тебе известно, русич, как они появляются?

Вопрос оказался странным и неожиданным. Всеволод отрицательно мотнул головой. Откуда ему было знать такое?

– Это мертвые, точнее, недоумершие, прошедшие смерть, но возрожденные вновь оборотами, – просветил Князь-магистр.

– Волкодлаки?! – изумился Всеволод.

– Они самые, – подтвердил Бернгард. – Только испытые. И одаренные.

– Кем одаренные? Как одаренные? Чем?..

– Властителем. Пьющим-Властвующим. Любой Властитель может подарить любому испытому новую жизнь вместо прежней, утраченной с кровью. Не очень приятную, правда, и не совсем, в общем-то, жизнь – но все же...

– Как такое происходит?

– Пьющий-Властвующий просто отдает испытому частицу своей крови. Даже малая толика ее, даже единая капля крови Властителя, впущенная через рану, способна пробудить *Ток*.

– Ток?

– Ну, как объяснить..., – Бернгард наморщил лоб под открытым забралом. – *Ток* – что течет. Жизнь и... не жизнь. Иная жизнь. Настолько иная, что даже оборотай не знают, откуда берутся Пьющие. Слишком разнятся одни от других. Слишком сильно меняет оборотая такая инициация.

Да уж, пожалуй! До сих пор и сам Всеволод считал, что упыри и волкодлаки – разные существа, а не две ипостаси одного.

– Значит, капля крови Черного Князя дарит испитому оборотню иную жизнь? Одна капля превращает его в упыря?

– Одна капля и много времени. Или две капли и меньше времени. Или три – и еще меньше. Чем больше своей крови отдаст Властитель испитому, тем меньше времени требуется на превращение – на последнее, главное, необратимое оборотайство. Пройдя посвящение, войдя в *Ток*, и обретя его, оборотай больше не испытывает голода. Но вот жажда... Вечная жажда утраченной крови – настоящей, теплой, живой крови, которой никогда не будет хватать Пьющему. Это одна из двух сил, которые им движут, и которым он подчинен.

– А вторая сила? – Всеволод пытался поспеть запутавшейся мыслью за словами Бернгарда.

– Вторая и наиглавнейшая – воля Властителя, которую Пьющий-Исполняющий выполняет беспрекословно. Ибо именно кровь Пьющего-Властвующего дает ему и *Ток*-жизнь и неутолимую жажду. А потому воля Властителя – превыше всего. Превыше жажды – тоже. До тех пор, по крайней мере, пока Властитель жив. Если же Пьющий-Исполняющий вдруг лишается хозяина, у него остается только жажда. Ну, и еще зверинный страх перед жгучим солнцем вашего мира. Вот и все, в чем он *течет*, чем он *течет* дальше. И пути назад ему уже нет. Так уж выходит, русич... Пьющий-Властвующий, отведавший крови оборотая, получает способность к оборотайству. Оборотай же, обращенный в Пьющего, утрачивают ее навеки. Пьющий-Исполняющий становится рабом своего Властителя. А если нет Властителя – то рабом своей жажды и бессмысленного уже *Тока*.

Пару секунд Всеволод размышлял, соотнося услышанное только что с известным ранее.

– Выходит, та темная вонючая жижа, что хлещет из разрубленных упырей, – и есть кровь Черного Князя? Хозяина? Пьющего-Властвующего?

– Нет, русич. Кровь Властителей – красна и подобна людской, но как я уже говорил тебе, в жилах Пьющих-Исполняющих есть лишь мизерная толика такой крови. Больше – нельзя, если хочешь создать целую армию и каждому обращенному оборотаю дать часть себя.

– Но откуда тогда берется столько черной кровищи?

– Это не кровь. Не совсем кровь. Как *Ток* – не совсем жизнь.

– Что же это?

– *Ток* должен по чему-то течь и чем-то течь. Иссохшие жилы испитых слуг нужно чем-то наполнять. Их и наполняют. Тем, что всегда под рукой. Не кровью – нет. Кровом. Покровом.

– Чем? – опять не понял Всеволод.

– Покровом. Схожим с этим словом у нас именуют вечный туман нашего мира, который есть не вода, не пар и не дым. Но который – всюду. И над твердью, и над хлябью. Который стелется и течет, и висит неподвижно. Который окутывает все наше обиталище, подобно темному савану.

– Погоди-ка, а не та ли это темная, с прозеленью муть, что растворена в Мертвом озере? – вскинулся Всеволод.

Не та ли, которую он однажды потревожил серебряной насечкой на своем клинке.

Бернгард кивнул:

– Она самая. Правда, зеленые оттенки появляются в Покрове лишь на границе обиталищ – когда через порушенную преграду он из нашего мира проникает в ваш.

– А когда этот самый Покров входит в жилы испитого оборотня? Чем он становится там?

– Обращается в стылую жижу. В текучую грязь. Всего лишь...

В текучую и вонючую, если уж быть точнее.

– А зачем нужна кровь Черного Князя? – спросил Всеволод.

– Растворяясь в Покрове, она дает толчок, пробуждает *Ток*, заставляет двигаться жидкую массу по холодным венам и тем самым поддерживает подобие жизни. Черный Покров при этом становится черной кровью, он меняется сам и изменяет того, в ком течет. Так оборотай окончательно превращается в Пьющего, покорного Властителю.

Ясно. Понятно. В общих чертах с упырями все ясно и понятно... С упырями темного мира.

– Ну а эти? – Всеволод кивнул на застывших мертвецов в тевтонских плащах. – Их ты использовал вместо испитых волкодлаков? Им ты тоже дал частицу своей крови?

– Использовал. Дал. Каждому. Малую частицу.

– То-то и оно, что малую! Чем же ты тогда наполнил сухие жилы?

«Ведь Покров-туман Темного обиталища пока, Слава Богу, не окутывает людское обиталище».

– Какую замену крови этот... как его... *Ток* гонит по их испитым телам?

Бернгард улыбнулся:

– Особую.

И добавил, глядя на восставших мертвецов:

– Их новая кровь – их лучшая защита.

– Правда? И что же это такое?

– Серебро, – ответил Черный Князь.

– Что?! – изумился Всеволод.

– *Lapis internalis* – произнес Бернгард знакомое уже Всеволоду сочетание латинских слов. – В их жилах течет лунный металл. Раствор адского камня.

Ах, вот оно что! Вот чем тевтонские алхимики накачивали по приказу Бернгарда обескровленные трупы своих орденских братьев! Вот какая жидкость впрыскивалась из ручного сифона в пустые вены испитых рыцарей! Всеволод ведь видел... Своими глазами видел.

Но – не догадался.

Глава 12

– Твои бальзамировщики знали, что, зачем и для чего они делают, Бернгард? – спросил Всеволод.

– Им это ни к чему, – снисходительно усмехнулся Князь-магистр. – Они просто бальзамировали трупы.

– Просто бальзамировали? Серебряной водой? И не задавали никаких вопросов?

– В этом нет ничего удивительного, русич, – пожал плечами Бернгард. – Плоть, пропитанная раствором адского камня, не портится долгие годы. Любому алхимику известно, что серебро – враг тлена.

– А то, что адский камень – не Черный Покров...

– Это не имеет никакого значения. Для *Тока* годится любая субстанция, смешанная с кровью Властвующих.

– И тебе, конечно, приготовить такую смесь не составляло труда?

– Разумеется. После того, как трупы переносили из алхимической лаборатории в склеп и укладывали в саркофаги, я оставался здесь один, без свидетелей...

Без свидетелей?.. Да, Всеволод помнил, как магистр прощался с павшими орденскими братьями. Наедине... Такова, значит, истинная причина той показной скорби!

Видимо, не он один сейчас прозревал. Краем глаза Всеволод заметил гримасу ужаса на побледневшем лице Томаса.

– Я вводил немного своей крови в рану, – продолжал Бернгард. – Произносил нужное слово. И серебряная вода, которая уже наполняла забальзамированное тело, тоже становилась подобием крови. Жидкое серебро начинало пульсировать в жилах, пробуждая новый *Ток*, новую... иную жизнь. А вместе с ней – полное повиновение моей воле.

– Кровь Черного Князя и кровь, добытая из адского камня... – не удержался от многозначительного замечания Всеволод. – Убойная, надо полагать, смесь течет в жилах твоих мертвецов, Бернгард.

– Ты прав, – магистр не спорил. – В бою с Пьющими она обеспечивает преимущество, которым никогда не будет обладать живой человек. Серебряный раствор, используемый при бальзамировании, достаточно разбавлен, чтобы не разъедать плоть. Но его концентрации хватит, чтобы отвратить любого Пьющего.

Всеволод скривил губы:

– Вообще-то упырей не отвращают даже серебрённые брони. По ночам кровопийцы бросаются и на них.

– Бросаются, – снова согласился Бернгард. – Именно потому, что кровопийцы. Потому, что чувят под белым металлом живую теплую кровь и теряют голову от жажды. Если же под серебром будет течь серебро...

– Что тогда? – прищурился Всеволод.

– Тогда напасть Пьющего-Исполняющего заставит только воля хозяина, стоящего над ним. Но и в этом случае справиться с умершим уже однажды рыцарем в серебрённых латах и с серебрённой кровью в жилах Пьющему будет намного труднее, чем одолеть обычного воина Сторожи.

Всеволод еще раз оглядел недвижимый строй. Рыцарская броня, рыцарские шлемы, рыцарские мечи, рыцарские плащи...

– А кстати, Бернгард, почему у тебя в склепе одни только орденские братья-рыцари? Почему здесь нет ни одного кнехта или оруженосца? Разве они бьются менее храбро?

– Менее умело, – поправил магистр. – Это же очевидно, русич. Что такое кнехты и оруженосцы? Всего лишь прислуга при истинных воинах Сторожи. А вот полноправный рыцарь

братства – это совсем другое. Это опытный ветеран, постигавший воинское искусство с детства и совершенствующий свое мастерство до самой смерти. Ну а когда приходит его черед умирать... В общем, жаль понапрасну терять прекрасно обученную боевую машину. Простого кнехта терять не столь жалко.

И потом... У нас не так много запасов серебряной воды. А у меня – не так много крови. На всех не хватило бы ни того, ни другого. Вот и приходится выбирать лучшее. Каждого рыцаря Серебряных Врат я хорошо знал при жизни. И мне известно, чего ожидать в бою от каждого из них после смерти. Нет, я вовсе не хочу умолить воинского умения и доблести твоих павших воинов или воинов Сагаада, но и им здесь – не место. Открыть склеп для чужих мертвецов – значит позволить входить туда и живым чужакам. Лишние глаза, уши, ненужные расспросы... Это мне ни к чему. Мне вполне хватало погибших орденских братьев, чтобы втайне готовить новую дружину взамен старой – ослабевшей и обескровленной.

– Здесь лежат... – Всеволод осекся. Вообще-то не лежат ведь уже – стоят. Причем, с оружием в руках. – Здесь – все павшие рыцари Сторожи?

– Не все, – покачал головой Бернгард. – Некоторых разорвали на части. От таких тел мало проку. Такие закопаны на погосте за стенами замка. Что же касается остальных... погибших... испитых... Их раны зашивались. Поврежденные доспехи чинились. Алхимики добывали необходимое количество адского камня. Серебряная вода наполняла и пропитывала упокоенных. Моя кровь пробуждала *Ток* и гнала серебро по жилам. Рыцари, которых ты видишь сейчас перед собой, ждали своего часа.

– Твоего приказа они ждали, Бернгард! – не согласился Всеволод. – Почему ты не поднял своих мертвецов раньше? Почему до сих пор не выводил их в бой?

– Потому что до сегодняшнего дня замок можно было удерживать силами живых.

– Но какой ценой? Какой кровью!

– Порой важнее не заплаченная цена и не пролитая кровь, а выигранное время, – назидательно произнес Бернгард. – Не в моих силах ускорить *Ток* и несомое им перерождение. Я могу лишь дать больше или меньше своей крови. Но даже если я отдам ее всю, не все будет от этого зависеть. Испитые тела должны пропитаться серебром целиком, до последнего сосудика. *Ток* должен разогнаться достаточно сильно. И мертвая плоть должна принять новую кровь, дарующую ей подобие жизни. Пока длился этот процесс, следовало защищать Сторожу имеющимися силами и не волновать гарнизон понапрасну. Все шло своим чередом. Живые воины становились мертвыми, а я отбирал лучших из них.

– Но ты ведь мог бы и сразу обзавестись мертвой дружиной, – криво усмехнулся Всеволод. – Если бы испивал не по одному человеку в месяц. Если бы – больше...

– Не мог, русич, – сухо ответил магистр. – Я же объясняю тебе: сразу, сиюминутно *Тока* не запустить. Из трупа не создать покорного воина за один миг, час или день. Серебряные Врата оказались бы беззащитными, если бы живые рыцари уже были испиты, а мертвые еще не были готовы вступить в бой. К тому же слишком много странных смертей вызвали бы у оставшихся в живых защитников крепости панику или смуту. А ни то, ни другое не способствует стойкости, доблести и верности. Людей и без того смущали слухи о замковом упыре. Неразумно было бы нарушать хрупкий баланс, на котором зиждилась оборона Сторожи. Впрочем, дело не только в этом. Мне самому нельзя за один раз отдавать испитым воинам слишком много своей крови, иначе я ослабею. А малой кровью для скорейшего поднятия целой дружины мертвецов не обойтись. Да и нужного количества *Lapis*-камня быстро не добыть, даже если замковые алхимики будут трудиться без перерыва на сон и битву. Серебряный раствор изготавливается постепенно. Так что я просто ждал, пока заполнятся все саркофаги. И, скажу честно: хотелось бы подождать еще. Сам видишь – в склепе есть еще пустые гробницы... Но больше ждать нельзя. Первый Властитель уже перешел границу миров...

– Ну, даже если это и так, то, положим, не первый вовсе...

Всеволод сверлил глазами Бернгарда. Тевтонский магистр и Черный Князь пристально смотрел на Всеволода.

– Властитель перешел границу, – с нажимом повторил Бернгард. – И я хочу знать: в этой битве ты со мной, русич?

Всеволод в очередной раз глянул на умрунов с обнаженным оружием. Попробуй сейчас пойти против... В открытую – попробуй.

– С тобой, – процедил он. – Пока с тобой, Бернгард.

Он вовсе не кривил душой. «Пока» – это ведь понятие растяжимое. «Пока» – это может быть и ближайший день, и ближайший час. И ближайшая минута – тоже может. Пока...

– Я рад, что мы договорились, – скупой улыбнулся Бернгард. – Теперь сокрытое – открыто, и если перед общей угрозой объединятся твоя дружина...

Магистр кивнул на десятников Всеволода.

– ...и моя дружина...

Бернгард обвел рукой неподвижных мертвецов в тевтонских плащах.

– Если к нам присоединятся орденские братья...

Глаза магистра остановились на Томасе.

– ...и верные союзники...

Изучающий взгляд Бернгарда скользнул по лицам Золтана, Раду и Сагаадая. На татарском юзбаши взгляд задержался чуть дольше.

И – вновь уперся во Всеволода.

– ...Тогда у нас еще есть надежда. Тогда, возможно, у нас получится отбить штурм, закрыть проход между мирами и остановить Набег.

– Один вопрос, Бернгард, – негромко промолвил Всеволод. Впрочем, даже такие негромкие слова в тишине склепа прошелестели ощутимым эхом – Насчет твоей дружины. Они ведь тоже Пьющие? Упыри?

Улыбка Бернгарда стала еще менее дружелюбной. Магистр кивнул:

– Ты прав и не прав, русич. Да, они тоже жаждут горячей живой крови, которой больше нет в их жилах. Но при этом они столь же отличаются от Пьющих, сколь и от людей. Они сильнее и тех, и других. Они обучены владеть оружием. Они совершенно не чувствуют боли, и вообще не способны выражают вслух никаких чувств, а потому бьются молча, без воплей и визгов. Они понимают безмолвные приказы-мысли хуже, чем Пьющие но беспрекословно выполняют волю хозяина, облеченную в слова. Они меняются иначе и гораздо медленнее, нежели оборотаи, обращенные в Пьющих, и даже мне пока не ведомо, кем они станут в итоге. Но сейчас они находятся полностью под моей властью. И покуда я жив, бояться их не стоит.

Последние слова – как намек, как предупреждение: или убивай всех, если тебе такое под силам, или не зломысли против меня.

– Твои упыри испили моих дружинников по твоей воле?

Вопрос был задан прямо. И глаза Всеволода смотрели прямо в глаза Бернгарда.

– Это вынужденные потери, – ответил тот, не отводя взгляда. – Иначе нельзя было добраться до Эржебетт и снять с твоих глаз пелену. Считаю, что это – плата за чары лидерки. И, по-моему, ты уже расплатился за них сполна кровью своих людей. Согласен? Или тебе нужно платить еще?

Еще? Всеволод вновь покосился на строй мертвых рыцарей. Да, пожалуй, эти способны взять немалую плату. Эти ведь умеют не только рвать плоть и пить кровь, как обычные упыри, но и держать в руках оружие.

– Согласен, – хрипло ответил Всеволод. – Не нужно.

Он очень надеялся, что за искренностью сказанных слов Бернгард не заподозрит подвоха в помыслах.

– А раз так то, может быть, ты спрячешь, наконец, мечи? Для них скоро найдется работа, но – не здесь.

Вж-ж-жих! Вж-ж-жих! Мечи в ножны. Оба. Все равно серебрянной сталью сейчас ничего не добьешься. Только сам голову зря сложишь и других подставишь. Нет, хватит. Наподставлял уже. Пятерых испитых дружинников, охранявших Эржебетт, достаточно...

– Убрать оружие! – приказал Всеволод.

Десятники-русичи подчинились воеводе. С неохотой, правда. Золтан, Раду, что-то недовольно бормоча под нос, тоже спрятали клинки. И Сагаадай. И Томас. И Бранко. Живой круг, еще минуту назад готовый к бою, сам собой смялся и распался.

– Тебя, Бернгард, и твоих... – Всеволод запнулся, мотнул головой на мертвых тевтонов, – рыцарей-умрунов твоих мы подождем снаружи. Наверху.

И прежде, чем магистр успел что-либо сказать в ответ, Всеволод бросил переминавшимся рядом воинам:

– Идем!

Бесцеремонно вырвал из рук волоха горящий факел. Пошел первым к выходу из склепа. Шагал в полной тишине, под пристальным взглядом Черного Князя-магистра и под бесстрастными взорами темных прорезей в горшкообразных шлемах мертвецов.

Собрав в кулак всю волю и выдержку, он шел по коридору между гробниц спокойно, уверенно, не озираясь по сторонам, не оглядываясь назад, не сбиваясь на бег (а ведь хотелось!). Держа спину прямо, а плечи – широко.

Следом потянулись остальные. Сначала – десятники русской дружины. За ними – оба шекелиса. Сагаадай. Бранко. И даже притихший, будто пришибленный брат Томас двинулся прочь из склепа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.